

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Адам Туз

Цена разрушения

Создание и гибель нацистской экономики¹

ТУЗ, Адам — профессор истории им. Кэтрин и Шелби Каллом Дэвисов, факультет истории Колумбийского университета. Адрес: США, штат Нью-Йорк, 10027, г. Нью-Йорк, Амстердам-авеню, 1180.

Email: adam.tooze@columbia.edu

Перевод с английского
Николя Эдельмана

Научный редактор
перевода Артём
Космарский

Ключевое место во всех описаниях Второй мировой войны занимало представление о нацистской Германии как о неукротимом монстре, опиравшемся на высокоиндустриализованную экономику. Но что, если на самом деле всё было совсем по-иному? Что, если корни европейской трагедии XX века скрывались не в силе Германии, а в ее слабости?

Из-под пера Адама Туза вышло радикально новое описание Второй мировой войны. Автор добился этого, уделив ключевое место, наряду с расовыми отношениями и политикой, экономике. Принципиальную роль в мировоззрении Гитлера играло интуитивное понимание глобальных экономических реалий. Он догадывался, что относительная бедность Германии в 1933 г. была обусловлена не только Великой депрессией, но и ограниченностью территории и естественных ресурсов страны. Он предвидел становление нового, глобализованного мира, в котором Европа будет задавлена сокрушительной мощью Америки. Оставался последний шанс: европейское сверхгосударство во главе с Германией.

Однако глобальный баланс экономической и военной силы с самого начала складывался совершенно не в пользу Гитлера, и именно для того, чтобы предупредить эту угрозу с Запада, он бросил свои недооснащённые армии на беспрецедентное и, в конечном счёте, обернувшееся крахом завоевание Европы. Даже летом 1940 г., в момент величайших триумфов Германии, Гитлеру всё равно не давала покоя нависающая над миром угроза англо-американского воздушного и морского господства, за которым, по его убеждению, стоял всемирный еврейский заговор. Как только вермахт вступил на советскую землю, война быстро превратилась в битву на истощение, не оставлявшую Германии надежд на победу. Из-за нежелания Гитлера, Альберта Шпеера и прочих признать это Третий рейх был уничтожен — ценой десятков миллионов жизней.

Журнал «Экономическая социология» публикует «Введение» к книге.

Ключевые слова: Вторая мировая война; Германия; экономическая история; ограниченные ресурсы; мировое господство; технический прогресс.

¹ Туз А. (готовится к изданию) *Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики*. М.: Издательство Института им. Е. Т. Гайдара. Перев. с англ.: Tooze A. 2006. *The Wages of Destruction. The Making and Breaking of the Nazi Economy*. New York: Penguin Group.

1. Введение

При взгляде на XX век трудно избежать вывода о том, что история Германии проходила под знаком двух тем: (1) тяга к экономическому и техническому прогрессу, благодаря чему Германия в течение большей части века наряду с США, а впоследствии — с Японией, Китаем и Индией являлась одной из крупнейших экономик мира; (2) стремление к войнам невообразимого прежде размаха².

Германия несёт основную ответственность за развязывание первой из двух опустошительных мировых войн XX века. И только она ответственна за вторую из них. Более того, в ходе Второй мировой войны Гитлер и его режим нарушили основные законы войны, организовав полномасштабную кампанию геноцида, беспрецедентного в своей интенсивности, размахе и целенаправленности. Державы-победительницы приняли меры к тому, чтобы после капитуляции 1945 г. у Германии не осталось выбора между миром и войной. Хотя спорт, техника, наука и культура постепенно были вновь дозволены в качестве сфер национального и личного самовыражения, а германская политика с конца 1960-х гг. становилась всё более многогранной, после 1945 г. в национальной жизни — по крайней мере, в жизни Западной Германии — доминировало деполитизированное стремление к материальному благосостоянию [James 1989: 177–189]. Напротив, капитуляция же, произошедшая в 1918 г., была гораздо менее полной, и выводы, сделанные из неё как немцами, так и их бывшими противниками, соответственно оказались более двусмысленными. Одной из многих поразительных особенностей немецкой политики после Первой мировой войны было то, что до самого конца Веймарской республики перед германским электоратом стоял выбор между политикой мирного движения к национальному процветанию и воинствующим национализмом, более или менее открыто требовавшим новой войны с Францией, Великобританией и США. Поскольку большая часть настоящей книги посвящена разбору того, как Гитлер подчинял себе германскую экономику в порядке подготовки ко второму из этих вариантов, представляется важным начать с чёткого обозначения альтернативы, в противостоянии с которой формировалось его мировоззрение, и с рассказа о том, как эта альтернатива была задвинута в тень катастрофическими событиями, предшествовавшими захвату власти Гитлером.

Разумеется, было бы ошибкой отрицать преемственность, связывавшую всех участников стратегических дискуссий, которые велись в 1920-е и 1930-е гг. в Германии, с империалистическим наследием эпохи Вильгельма³. Враждебность к французам и полякам и империалистические замыслы в отношении соседей Германии и на Западе, и на Востоке не представляли собой чего-то нового. Однако, делая чрезмерный упор на преемственность, мы рискуем недооценить глубокое влияние, оказанное на германскую политику поражением в ноябре 1918 г. и последующим мучительным кризисом. Агония достигла высшей точки в 1923 г., когда французы оккупировали Рур, промышленное сердце германской экономики. На протяжении следующих месяцев, в течение которых Берлин спонсировал массовую кампанию пассивного неповиновения, страна скатилась в масштабную гиперинфляцию и дошла до такого политического расстройтва, что осенью 1923 г. под вопросом оказалось выживание германского национального государства как такового [Feldman 1993]. Дискуссии по стратегическим вопросам в Германии навсегда изменили свой характер. Кризис 1918–1923 гг., с одной стороны, породил ультра-национализм — в лице радикального крыла НННП (Немецкой националистической народной партии) и гитлеровской Нацистской партии — более апокалипсической по своему накалу, чем что-либо, существовавшее до 1914 г. С другой стороны, он дал начало подлинно новому течению в немецкой внешней и экономической политике. Эта альтернатива воинствующему национализму также имела своей целью пересмотр обременительных условий Версальского договора. Но при этом ставка делалась отнюдь не на военную силу. Приоритетом для веймарской внешней политики была экономика тех областей, в

² См. рассуждения об этой поляризации в: [Geyer 1992; Jarausch, Geyer 2003].

³ Резюме этих дискуссий см. в: [Krueger 1985; Niedhart 1999]. Об идеологической преемственности см.: [Smith 1986].

которых Германия ещё могла оказывать влияние на мир. В первую очередь речь шла об обеспечении безопасности Германии и усилении её роли путём установления финансовых связей с США и более тесной промышленной интеграции с Францией. В некоторых ключевых отношениях такой подход явно предвещал стратегию, осуществляемую Западной Германией после 1945 г. Эту политику поддерживали все партии, входившие в Веймарскую коалицию, — социал-демократы, леволиберальная Немецкая демократическая партия (НДП) и католическая Партия центра. Но воплощение она нашла в лице Густава Штреземана, лидера национал-либералов (НЛП) и германского министра иностранных дел в 1923–1929 гг.⁴

После стабилизации 1924 г. весь немецкий электорат получил возможность дать свою оценку достижениям Веймарской республики и внешней политике Штреземана лишь через четыре года, на всеобщих выборах 20 мая 1928 г. Штреземан решил идти на эти выборы в Баварии. Разумеется, Мюнхен в то время был одной из излюбленных вотчин НСДАП и вождя этой маргинальной партии. Гитлер надеялся привлечь к себе дополнительное внимание, скрестив мечи с Штреземаном. Таким образом, баварским избирателям предлагался драматический выбор между концепцией немецкого будущего по Штреземану, основанной на четырёх годах мирного «экономического ревизионизма», и решительным отрицанием основ веймарской внешней и экономической политики, за которым стоял Гитлер. И Гитлер, и Штреземан отнеслись к поединку серьёзно. Хотя Штреземану было важно выставить Гитлера не более чем психом, он признавал, что нашел время прочесть по меньшей мере одну опубликованную речь Гитлера с тем, чтобы иметь представление о тех аргументах, с которыми он может столкнуться [Wright 2002: 420]. В свою очередь, Гитлер использовал диспут с Штреземаном для того, чтобы уточнить свои внешнеполитические и экономические идеи, впервые сформулированные им в «Mein Kampf» — его манифесте, сочинённом в 1924 г. в Ландсбергской тюрьме [Kershaw 1998: 240–242]. В итоге на свет появилась рукопись, известная как «Вторая книга» Гитлера, завершённая летом 1928 г. и содержащая обширные фрагменты, заимствованные из его предвыборных речей [Weinberg 1961].

I

Густав Штреземан впервые высказал своё мнение о том, что «политика <...> сегодня в первую очередь [является] политикой мировой экономики», в качестве активного молодого депутата от Национал-либеральной партии в вильгельмовском Рейхстаге [Berg 1990]. И это была не просто фигура речи; об этом говорил ему личный опыт [Wright 2002: 8–58]. Штреземан родился в 1878 г. в Берлине, в семье мелкого независимого производителя пшеничного пива (и сиропов к нему) — одного из излюбленных напитков столицы. Он видел, как бизнес отца трещит по швам из-за конкуренции с крупными заводами. Будучи единственным из семи отпрысков пивовара, учившимся в университете, он завершил своё обучение диссертацией по исторической экономике и в 1901 г. начал работать уполномоченным по ведению дел для саксонских компаний. Штреземан защищал интересы экспортоориентированных предприятий лёгкой промышленности от непомерных требований тяжёлой индустрии и сельского хозяйства, защищённого протекционистскими барьерами. Как изучение истории экономики, так и практический опыт в сфере торговой политики убеждали Штреземана в том, что главными мировыми силами в XX веке станут три крупные индустриальные державы — Великобритания, Германия и США. Великие экономические державы, конечно, соперничали друг с другом. Но в то же время они были функционально взаимосвязаны, не могли развиваться друг без друга. Германия нуждалась в сырье и продовольствии с заморских рынков, чтобы обеспечить своё население работой и хлебом. Британская империя имела лучшее положение в отношении сырья, но нуждалась в Германии как в экспортном рынке. Штреземан очень рано проникся убеждением, что становление США как доминирующей силы

⁴ Полезный обзор нынешнего состояния исследований, посвящённых Штреземану, см. в: [Pohl 2004].

в мировой экономике навсегда изменило характер конкуренции между европейскими державами⁵. Европейский баланс сил в XX веке должен был в значительной мере определяться связью конкурирующих в Европе интересов с США. Разумеется, Штреземан не недооценивал другие факторы силовой политики — военную мощь и волю народа. В том, что касалось «дредноутной гонки», Штреземан последовательно выступал за усиление Императорского флота, питая надежду на то, что когда-нибудь Германия станет соперником британцев в деле защиты своей заморской торговли военно-морскими силами. После 1914 г. он проявил себя в Рейхстаге в качестве одного из самых агрессивных сторонников неограниченной подводной войны. Но даже в своих наиболее аннексионистских выступлениях Штреземан в первую очередь мотивировался экономической логикой, завязанной на Соединённые Штаты [Berg 1990: 43]. Захват Бельгии, французского побережья до Кале, Марокко и обширных территорий на Востоке «требовался» для того, чтобы обеспечить Германии адекватную платформу для конкуренции с Америкой. Ни одна экономика, не имевшая гарантированного рынка не менее чем в 150 млн потребителей, не могла рассчитывать на успешную конкуренцию с системой удешевления производства за счёт массовости, которую Штреземан лично наблюдал в индустриальном ядре США.

Нет сомнений в том, что неожиданная капитуляция Германии осенью 1918 г. глубоко потрясла Штреземана, едва не ввергнув его в физический и психологический коллапс. Она навсегда лишила его веры в вооружённые силы как в орудие силовой политики — по крайней мере в Германии. Более того, она посеяла в его уме более фундаментальные сомнения в отношении германской социальной и политической системы, оказавшейся менее устойчивой, чем соответствующие британская и французская. Однако это лишь укрепило его убеждение в том, что решающей силой является экономика. Мировая экономика была единственной сферой, в которой Германия оставалась поистине незаменимой. Штреземан уже в апреле 1919 г. заявлял, что с учётом военной слабости Германии основой её внешней политики должна стать мощь её крупных корпораций. «Сегодня мы нуждаемся в зарубежных кредитах. Рейх лишился кредитоспособности <...> но частные лица, индивидуальные крупные корпорации по-прежнему имеют доступ к кредиту. Они получают его благодаря неизмеримому уважению мира к достижениям немецкой промышленности и немецкого торговца» [Berg 1990: 98]. Экономика была единственной сферой, через которую Германия могла наладить связи с Соединёнными Штатами — единственной державой, с помощью которой Германия могла противостоять французской агрессии и британскому безразличию. Такая идея трансатлантического партнёрства явно стояла за действиями Штреземана как во время его короткого, но важного срока пребывания на посту канцлера республики в 1923 г., так и министра иностранных дел в 1924–1929 гг. Утихомилив разъярённых националистов и покончив с пагубной кампанией пассивного сопротивления французской оккупации Рура, но в то же время сигнализируя о готовности Германии к выплате репараций, Штреземан проложил путь к установлению особых отношений с США.

Разумеется, за это пришлось платить. Впоследствии Штреземан навсегда стал мишенью для исходивших из правых кругов обвинений в том, что он был «французским ставленником» [Weinberg 1961: 23]. Более того, эти обвинения подкреплялись решением Штреземана прибегнуть к тактике кооперации, а не конфронтации, для того чтобы ускорить вывод французских войск, патрулировавших Рейнскую область [Wright 2002: 373–383, 412–413]. Эти обвинения не имели под собой ни малейших оснований. Штреземан во всех отношениях был законченным германским националистом. Он никогда не отрекся от аннексионистских позиций, занимавшихся им во время Первой мировой войны, потому что не видел оснований для того, чтобы сожалеть о них. Кроме того, он никогда не хотел мириться с германо-польской границей, проведённой в 1921 г. в соответствии с плебисцитом и решением Лиги Наций, как с долгосрочным решением. Его стратегия, опиравшаяся на манипулирование взаимно пересекавшимися интересами США, Великобритании и Франции, была просто сложнее конфронтационного подхода, которому отдавали предпочтение ультра националисты.

⁵ Об американизме в Германии начала XX века см.: [Luedtke, Marssolek, Saldern 1996].

Первым достижением Штреземана стал комитет Дауэса, впервые собравшийся в 1924 г. в Париже, чтобы создать работоспособную систему, которая позволила бы Германии выплачивать репарации, не ставя под удар свою финансовую стабильность [Schuker 1976: 180–186; Costigliola 1984: 1–27]. Во главе этого комитета стоял генерал Чарльз Г. Дауэс, чикагский банкир и промышленник, руководивший снабжением американских и союзных войск во время Первой мировой войны. Но реальным творцом этой схемы был Оуэн Янг, председатель *General Electric*, в качестве такового являвшийся одним из лидеров американской индустрии [Case, Case 1982: 272–335]. Более того, концерн *General Electric* был тесно связан с *Allgemeine Elektrizitaets Gesellschaft (AEG)*, вторым по величине немецким электротехническим конгломератом. Дауэс и Янг более чем оправдали надежды, возлагаемые Штреземаном на США. Текущие репарационные требования в Германии были существенно снижены, и ежегодные выплаты должны были достичь максимального объёма в 2,5 млрд довоенных золотых марок лишь в 1928–1929 гг. Свой вклад внёс и банк J. P. Morgan, организовав восторженное изъявление доверия со стороны Уолл-стрит, выразившееся в сильном превышении лимита подписки при выпуске первоначального займа на 100 млн долларов. Восстановление золотой рейхсмарки на условиях довоенного паритета с долларом покончило с нестабильностью германской валюты [Hardach 1976: 34–35; Schoetz 1987]⁶. Помимо этого, интересы Германии защищал также так называемый агент по репарациям. Эту должность занимал Паркер Гилберт, молодая «звезда» Уолл-стрит, обладавший полномочиями для приостановки репарационных выплат, если они угрожали стабильности германской валюты. Таким образом, удовлетворение требований европейских «репарационных кредиторов» ставилось в зависимость от состояния германских финансов. Это не привело к немедленному наводнению Германии американским капиталом, как иногда утверждается [McNeil 1986]⁷. Однако с учётом большой разницы между процентными ставками в США и Германии, где сбережения сгорели в огне гиперинфляции, условия для получения займов, несомненно, были благоприятными. С октября 1925 г. до конца 1928 г. приток зарубежного капитала был таким большим, что Германия могла производить репарационные выплаты, даже не имея торгового профицита. Это было удобно для британцев и французов, так как позволяло им требовать от немцев выплат, не открывая свои рынки для немецких товаров на сумму в миллиарды золотых марок. Одновременно Вашингтон мог требовать от Франции и Великобритании, чтобы те соблюдали свои долговые обязательства перед Америкой, накопленные ими в результате войны.

Эта карусель, сводившаяся к тому, что немцы брали займы у американцев, чтобы расплачиваться с британцами и французами, которые затем платили американцам, вызывала беспокойство у всех сторон⁸. Однако она выполняла свою задачу. Конгресс США требовал максимально возможной выплаты всех кредитов, предоставленных Америкой союзникам [Pullen 1987]. Новые американские кредиторы Германии получали солидную прибыль. Веймарская же республика существовала в условиях значительно более высокого уровня жизни, чем был бы возможен в том случае, если бы ей приходилось выплачивать репарации за счёт экспортной выручки. Ялмар Шахт, президент Рейхсбанка, назначенный на эту должность Штреземаном в ноябре 1923 г., выражал глубокую озабоченность нарастанием международного долгового бремени Германии [James 1985: 19–56]. Но в то же время он разделял стратегические замыслы Штреземана. По мере того как росла задолженность Германии перед Америкой, усиливалась и заинтересованность Вашингтона в том, чтобы чрезмерные репарационные требования Великобритании и Франции не ставили под угрозу американские инвестиции. Проще говоря, стратегия Германии заключалась в следующем: используя защиту, обеспечиваемую агентом по репарациям, набрать у Америки столько займов, чтобы обслуживание этого долга делало невозможным выплату репараций [Ritschl 2002: 120–127]. Выражаясь тоньше, Штреземан и Шахт стремились превратить аме-

⁶ При курсе 4,20 рейхсмарки за доллар рейхсмарка, как и фунт стерлингов после 1925 г., была существенно переоценена.

⁷ Более точную хронологию событий см. в: [Wala 2001: 110–122]; см. также отлично иллюстрированную историю германских долговых обязательств: [Glasemann 1993]

⁸ Что отлично показано в: [Moulton, Pasvolsky 1932].

риканские финансовые круги в главную силу, выступающую за пересмотр суммы германских репараций, что позволило бы Берлину нормализовать отношения с Лондоном и Парижем. В конце 1920-х гг. эта стратегия как будто бы работала. В 1928 г. вовсе не немцы, а американцы — и в первую очередь председатель Федерального резерва США Бенджамин Стронг — выдвинули требование пересмотреть германские репарационные обязательства, пока ещё размер годовых выплат не достиг максимума в соответствии с планом Дауэса [Link 1970: 411–421; Costigliola 1984: 196–210]. Стронг пошёл на это не из-за каких-либо нежных чувств к Германии, а в интересах сохранения колоссальных средств, вложенных Америкой в германскую экономику. Полномасштабный кризис с лёгкостью привёл бы к дестабилизации ряда крупнейших американских банков.

Таблица 1

**Зарубежные займы: обязательства Германии по внешним долгам на весну 1931 г.
(в млн рейхсмарок)**

Кредитор	Долгосрочные займы	Краткосрочные займы	Всего
США	5265	3143	8408
Великобритания	1100	2053	3153
Нидерланды	1174	2069	3243
Швейцария	512	1878	2390
Прочие страны	1494	2826	4320
Итого	9545	11 969	21 514

Источник: [Harris 1935: 9, 95].

Если в случае Штреземана проблемы интерпретации проистекают из того, что его политика обнаруживает поразительное сходство с теми мерами, на которых основывалась стабильность Германии после 1945 г., то сложности, связанные с осмыслением идей Гитлера, имеют ровно противоположную причину. Гитлер обитал в мире причудливых представлений, проникнутых духом осаждённой крепости, который нам трудно понять или хотя бы воспринимать всерьёз.

Заманчиво выводить радикальные различия между мировоззрениями Гитлера и Штреземана из резких различий между их биографиями. О долгом и мучительном поиске Гитлером своего места в мире слишком хорошо известно, поэтому вряд ли есть нужда об этом говорить⁹. Несомненно, история Гитлера составляет яркий контраст с историей восхождения Штреземана по социальной лестнице. Поворотным пунктом для обоих стала Первая мировая война. Но если хроническая болезнь Штреземана воспрепятствовала его участию в боевых действиях, то Гитлер увидел войну из окопов. В свете этого обстоятельства едва ли удивительно, что Штреземан ухитрился сохранить присущий ему буржуазный оптимизм даже во время кошмара 1918–1923 гг., в то время как взгляд Гитлера на происходящее был намного мрачнее. Тем не менее и Штреземан, и Гитлер были порождением одной и той же политической культуры. Оба они являлись сторонниками широко распространённого представления о том, что Первая мировая война — это итог состязания между империями¹⁰. Говоря более конкретно, оба они считали, что войну развязала Великобритания в сознательной попытке нанести ущерб Германии — сопернику в торговле и строительстве военно-морского флота. Однако в случае Штреземана эта «популистская» модель глобальной военно-экономической конкуренции смягчалась свойственным ему пониманием взаимосвязанности мировой экономики и в первую очередь тем значением, которое он придавал США, видя в этой стране противовес Великобритании и Франции. Мировоззрение же Гитлера было намного более ожесточённым. Он считал либеральную идеологию прогресса, достижимого

⁹ См.: [Kershaw 1998: 1–69].

¹⁰ Подробнее см.: [Ritschl 1991: 48–70].

путём трудолюбия, упорства и свободной торговли, не более чем ложью, распространяемой еврейскими пропагандистами. По сути, любая попытка немецкого народа добиться спасения трудолюбием и торговлей в конце концов обрекла бы его на противостояние с Великобританией. Германии снова пришлось бы столкнуться с раскладом августа 1914 г. — неодолимым континентальным альянсом, организованным и финансируемым еврейскими банкирами из Сити. И всемирный еврейский заговор, властвующий уже не только в Вашингтоне и в Лондоне, но и в стране большевистской диктатуры, снова одержал бы победу над Германией.

В глазах Гитлера решающими факторами в истории человечества были не работа и трудолюбие, а борьба за ограниченные средства существования [Weinberg 1961: 46–69]. Великобритания могла жить за счёт свободной торговли, но лишь благодаря тому, что она уже сколотила империю при помощи военной силы. Для поддержания достойного уровня жизни немецкому народу требовалось «жизненное пространство» (*Lebensraum*), а приобрести его можно было лишь путём завоевания. Германия Вильгельма с огромным энтузиазмом строила колониальную империю, но в результате драгоценная немецкая кровь расплялась по всему миру. Гитлер вместо этого отдавал предпочтение захвату единого «жизненного пространства» на Востоке. В этом отношении можно снова подметить сходство с идеями аннексионистов времён войны. После Брестского мира Штреземан тоже мечтал о германском «большом пространстве» (*Grossraum*) на Востоке. Но, как видно, основная цель Штреземана состояла в создании достаточно крупного рынка, способного сравниться с американским. Напротив, Гитлеру была нужна земля, но не её коренные обитатели. Цель завоевания состояла не в том, чтобы добавить к немцам немцев. Население завоёванных территорий следовало устранить. Буржуазным властям Германской империи не хватало смелости для столь радикальной расовой политики по отношению к крупному польскому меньшинству, населявшему восточные окраины страны. Но если Германия хотела победить, то у неё не было альтернативы безжалостной политике завоевания и геноцида. Сама судьба обрекла Германию на неизбежную войну. Если говорить о конкретных шагах, Гитлер, по-видимому, представлял себе ряд более-менее систематических действий: за присоединением Австрии последовало бы подчинение крупных государств, образовавшихся после её распада в Центральной Европе — в первую очередь в Чехословакии, — а кульминацией этого процесса должна была стать расплата с французами¹¹. Тем самым был бы расчищен путь для похода на Восток. Разумеется, Гитлер не желал повторять расклад Первой мировой войны; и тут ключевую роль играла Великобритания. Гитлер был твёрдо убеждён в том, что, в отличие от экспортоориентированной стратегии, неизбежно приводившей к столкновению с глобальным влиянием Британской империи, его стратегия континентальной экспансии не представляла фундаментальной угрозы для Великобритании, чьи основные интересы лежали за пределами Европы. Стратегическая концепция Гитлера 1920-х и начала 1930-х гг. основывалась на том, что он рассчитывал обеспечить доминирующие позиции Германии в Европе, не вступая в конфликт с Великобританией. Более того, выворачивая логику Штреземана наизнанку, Гитлер полагал, что Великобритания станет рассматривать Германию как союзника в неизбежной конкурентной борьбе с Соединёнными Штатами.

В детстве, подобно миллионам германоязычных мальчиков, Гитлер с увлечением читал «немецкие вестерны» Карла Мая¹². Сразу же после окончания Первой мировой войны восторг Гитлера перед США несколько поубавился. Прежде всего это коснулось президента Вильсона, который после заключения Версальского договора стал в Германии объектом почти всеобщей ненависти. В 1923 г. Гитлер писал, что лишь приступом временного слабоумия из-за мук голода, вызванного англо-еврейской блокадой,

¹¹ Об особенностях восточно-европейской стратегии Гитлера см.: [Weinberg 1961: 14–20].

¹² О связи между Карлом Маем и Гитлером см. противоречивую статью: [Mann 1940: 217–222]. Была сделана попытка опровергнуть эту связь; см.: [Linkemeyer 1987]. О творчестве Мая в контексте изображения Америки в немецкой литературе см.: [Sammons 1998: 229–245]. О популярности Мая и жанре авантюрной литературы см.: [Frigge 1984: 150–158].

можно объяснить то, что Германия отдалась на милость «такого мошенника, как Вильсон, который прибыл в Париж в сопровождении 117 еврейских банкиров и финансистов»¹³. Соединённые Штаты практически не фигурируют в стратегических замыслах Гитлера, отразившихся в начерно написанной на следующий год книге «Mein Kampf». Три года спустя, учитывая ту роль, которую США играли в германских делах, такая узость кругозора была уже невозможна. Как не мог не заметить Гитлер, США, даже не являясь элементом европейского баланса вооружённых сил, были экономической державой, с которой следовало считаться. Более того, поразительные индустриальные успехи США изменили параметры повседневной жизни на «старом континенте». Как отмечает сам Гитлер в одном из несомненных ключевых пассажей своей «Второй книги», сегодня европеец мечтает об уровне жизни, который выводится им не только из возможностей Европы, но и из реального состояния дел в Америке. Благодаря современной технике и существующим средствам связи отношения между людьми стали столь тесными, что европеец, даже не вполне осознавая это, делает критерием своей жизни условия жизни в Америке (см.: [Weinberg 1961: 58]).

При этом неудивительно, что внимание Гитлера прежде всего привлекало доминирование Америки в автомобильной промышленности. Гитлер, конечно, увлекался автомобилями. Но во «Второй книге» его волнуют стратегические последствия американского лидерства в этой новой ключевой отрасли. В своих фантазиях о будущем американского богатства европейцы склонны забывать «о намного более благоприятном отношении площади американского континента к численности его населения <...>». Громадные конкурентные преимущества Америки в сфере промышленных технологий были функцией «размеров американского “внутреннего рынка”», потому что она «богата не только покупательной способностью, но и сырьём». Именно огромные «гарантированные <...> внутренние продажи» позволили американской автомобильной промышленности освоить такие «методы производства, которые в Европе вследствие отсутствия таких же объёмов продаж были бы попросту невозможны» (цит. по: [Weinberg 1961: 123]). Иными словами, для фордизма требовалось «жизненное пространство».

В то время как Штреземан считал возвышение США стабилизирующим фактором в европейских делах, в глазах Гитлера оно просто поднимало ставки в борьбе за расовое выживание. И эту борьбу невозможно было ограничить только экономической сферой: «Окончательный исход борьбы за всемирный рынок будет решён силой <...>» (цит. по: [Weinberg 1961: 123–124]). Даже если немецкие бизнесмены добьются успеха, Германия вскоре снова окажется в ситуации 1914 г. и вынуждена будет сражаться за доступ к всемирным рынкам в крайне неблагоприятных условиях. Вообще, Гитлер полагал, что зарождающееся экономическое доминирование США ставит под угрозу «глобальное значение» всех европейских стран. Если только политическим лидерам Европы не удастся вырвать население своих стран из обычного «политического недомыслия», то «грозящая глобальная гегемония североамериканского континента» низведёт всех до положения «Швейцарии и Голландии» (цит. по: [Weinberg 1961: 127–128]). Не то чтобы Гитлер был приверженцем панъевропейских идей. Он считал все подобные предложения чепухой, «еврейским» вздором. Европу в противостоянии с США должно возглавить самое сильное европейское государство по образцу Римской или Британской империи или, если на то пошло, Пруссии, объединившей немецкие земли в XIX веке.

В будущем единственным государством, которое сможет выступить против Северной Америки, станет то, которое поймёт, как сущность внутренней жизни и смысл внешней политики сможет повысить расовую ценность своего народа и наделить его государственностью, наиболее подходящей для этой цели. Задача национал-социалистического движения состоит в том, чтобы укрепить свою родину и подготовить её к этой миссии (цит. по: [Weinberg 1961: 130]).

¹³ См. подробнее: [Gassert 1997: 35–36, 87–103]. Этот проницательный обзор опровергает все предыдущие работы о Гитлере и Америке.

Таким образом, в число врагов Гитлера, наряду с Францией и Советским Союзом, вошли и Соединённые Штаты, против которых следовало выступить после завершения внутренней консолидации, по возможности в союзе с Великобританией. Стоит подчеркнуть этот последний момент. Настойчиво делаемый Гитлером акцент на необходимости союза с Великобританией вытекал не только из его главной цели — завоевания Востока, что являлось ключевым стратегическим аргументом в «Mein Kampf», — но и из осознания Гитлером угрозы со стороны США — новой темы, возникшей в его «Второй книге».

Таким образом, Гитлер и Штресеман расходились в своих оценках положения Германии по отношению к начинавшемуся «веку Америки», как и в оценках значения экономики и политики. Однако основой для этих расхождений служило более фундаментальное различие в понимании истории¹⁴. Оно наиболее чётко иллюстрируется их реакцией на катастрофу Первой мировой войны. Сущность позиции Штресемана состояла в том, что война не изменила магистрального курса всемирной истории, диктуемого неизбежной траекторией экономического развития. Несмотря на то что Германия потерпела поражение, война, ослабив Великобританию и Францию и усилив США, открыла путь к восстановлению германской мощи, пусть только в экономической сфере. Гитлер считал подобное мышление характерным для наивного оптимизма германских буржуа. Он не был пессимистом. Он отвергал мрачные пророчества Шпенглера. Однако в его глазах история никому не давала никаких гарантий. Фундаментальным определяющим фактором в истории для него был не предсказуемый телос экономического развития, а борьба между народами за средства существования. В этой битве за выживание исход никогда не был предрешён. Как заявлял Гитлер, даже в короткий «2000-летний период» истории человечества «мировые державы повелевали культурами, известными сейчас только из легенд, огромные города превращались в руины <...> Мы почти не в состоянии проникнуть <...> в заботы, потребности и страдания миллионов и миллионов отдельных людей, которые когда-то, в качестве живых существ, были творцами и жертвами этих событий <...> И как бесчувственно <...> настоящее. Насколько не обоснован его вечный оптимизм и насколько пагубны его упрямое невежество, его отказ видеть и отказ учиться» (цит. по: [Weinberg 1961: 71]).

Вырвать население из этого оптимистического ступора и зарядить его чувством апокалипсического риска — вот истинная задача политического руководства. Идея о том, что Германия, подобно США, может просто постепенно двигаться к более высокому уровню жизни, представлялась Гитлеру заблуждением. Для него поражение в Первой мировой войне возвестило начальную точку борьбы, не менее решительной, чем между Римом и Карфагеном. Если только немцы не ответят на вызов, 1918 г. вполне может стать предвестником такого же полного упадка («*Untergang*»), как тот, что испытали на себе великие цивилизации древности. Такая перспектива не оставляла места для пассивности и терпения. Перед лицом абсолютной безжалостности еврейско-большевистского врага могла стать оправданной даже стратегия, чреватая крайним риском. Аудиторию 1920-х и начала 1930-х гг. можно было простить за то, что она принимала экстремистские воинственные речи Гитлера за проявления риторической аффектации. Насколько серьёзен он был со своим апокалипсическим мировоззрением, в полной мере выяснилось лишь после 1939 г.

III

Таким образом, немецкие избиратели должны были сделать решительный выбор, и он был сделан. На всеобщих выборах в мае 1928 г. партия Гитлера получила жалкие 2,5% голосов, которые обеспечили ей всего 12 из 491 места в Рейхстаге. Наоборот, несмотря на то что доля НЛП снизилась, партия Штре-

¹⁴ Подробнее об исторических представлениях Гитлера см.: [Kroll 1998]. Однако в этом анализе придаётся недостаточное значение апокалипсическому мировоззрению Гитлера.

земана всё равно сохранила приличное представительство в парламенте, получив 45 мест [Jones 1988: 301–305]. И если национал-либералам оказывал щедрую поддержку крупный бизнес, то казна нацистов к осени 1928 г. настолько оскудела, что они были вынуждены отменить ежегодный партийный съезд. Продажи «Mein Kampf» так сильно упали, что издатели Гитлера решили придержать его «Вторую книгу» из опасения испортить рынок. НННП, ещё одна ультраправая партия, вместо прежних 103 мест получила всего 73. Об этом поражении и вызванном им кризисе в руководстве националистического движения, который привёл к тому, что главой НННП был выбран ультранационалист Альфред Гугенберг, летом и осенью 1928 г. кричали газетные заголовки. Наоборот, социал-демократы — основатели Веймарской республики — одержали крупную победу. Их представительство в Рейхстаге выросло с 131 места до 153. Штреземановская НЛП, НДП и партия Центра составили работоспособное большинство с Германом Мюллером в качестве канцлера. Густав Штреземан остался министром иностранных дел на пятый год.

Таким образом, в 1928 г., несмотря на Гитлера и его партию, Веймарская республика имела функционирующую парламентскую систему и правительство, поставившее своей целью пересмотр Версальского договора под благожелательной эгидой США. Да, катастрофический обвал этой системы был возможен. Но даже самым пессимистически настроенным наблюдателям нужно было сильно постараться, чтобы предсказать, что через 10 лет Германия снова ввергнет Европу в опустошительную войну и приступит к выполнению самой безжалостной кампании геноцида в истории человечества. История Веймарской республики не является темой настоящей книги. Но прежде чем начать рассказ о гитлеровском режиме, мы должны чётко объяснить, как стратегия Штреземана потерпела крах, открыв дверь для намного более радикальных идей Гитлера.

Одним из ключевых факторов, вызвавших дестабилизацию Веймарской республики после 1929 г., было исчезновение надежд, возлагавшихся на американский «новый порядок» прореспубликанскими силами в Германии¹⁵. В 1923–1924 гг. успешная стабилизация Веймарской республики в первую очередь зависела от вмешательства США. Впоследствии привлекательность «атлантистской стратегии» Штреземана и Шахта опиралась на ожидания роста американского влияния в Европе, которое в конце концов должно было расчистить путь к всеобъемлющему пересмотру условий Версальского договора. Для этого требовалось осознание Америкой связи между долговыми обязательствами перед ней, накопившимися во время войны у Великобритании и Франции, и репарационными требованиями, предъявлявшимися этими державами Германии. И действительно, Оуэн Янг весной 1929 г. вернулся в Париж для пересмотра соглашения о репарациях [Case, Case 1982: 434–454]. Однако он не получил от новой администрации Герберта Гувера никаких полномочий на открытое проведение связи между военными долгами союзников и репарациями [Costigliola 1984: 206–215]. А это означало, что план Янга не мог не разочаровать немцев [Heude 1998]¹⁶. Вместо снижения ежегодных репарационных выплат с 2,5 млрд до 1,5 млрд довоенных золотых марок, на что надеялось правительство Мюллера, величина выплат сократилась незначительно — до двух с небольшим млрд золотых марок. Кроме того, согласно плану Янга, Германия упразднила должность агента по репарациям, что освобождало её от навязчивого и унижительного иностранного надзора и должно было стать первым шагом к переводению репарационных обязательств Германии на деполитизированную, коммерческую основу. Но в то же время это

¹⁵ После почти двух десятилетий продуктивного ревизионизма явно настало время вновь обратить пристальное внимание на последствия ущербной американской гегемонии 1920-х гг., обрисованные в классической работе: [Kindleberger 1986]; см. также: [Link 1970; Costigliola 1984]. Разумеется, непосредственной причиной катастрофы 1930-х гг. был новый всплеск германского национализма, в свою очередь, вызвавший нежелание сотрудничать со стороны французов. Ничуть не улучшила ситуацию и позиция Великобритании. Но с учётом очевидной хрупкости европейских взаимоотношений экзогенным причинным фактором послужила неспособность американцев сделать то, что они могли бы сделать.

¹⁶ Почти в той же самой мере он не устраивал и Лондон; см.: [Boyce 1987: 186–216].

означало, что отныне Германии разрешалась отсрочка по выплате большей части репараций максимум на два года. И теперь решение должно было принимать уже германское правительство, а не «нейтральное» американское учреждение.

Разочарование, вызванное планом Янга, полностью уничтожило привлекательность «атлантистской стратегии». Раздражение, окружавшее переговоры, разрушило всякие надежды на крупномасштабную коммерциализацию германских «политических» долгов. Начиная с 1928 г. вместе с волной слухов о судьбе репараций и росте процентных ставок в США, объёмы долгосрочных американских займов Германии начали сокращаться¹⁷. Германия и в 1929 г. продолжала брать займы и продавать иностранцам паи в немецких фирмах, но теперь более половины поступлений были получены на краткосрочной основе. За этим последовал ещё один удар по трансатлантическим экономическим связям. В ходе предвыборной кампании Герберт Гувер заручился поддержкой Среднего Запада, пообещав введение протекционистских мер в сельском хозяйстве. Во время прохождения через Конгресс этот законопроект, получивший печальную известность как Закон Смута — Хоули, оброс многочисленными положениями, включая серьёзную защиту от европейских промышленных товаров. К осени 1929 г. в Старом Свете знали не только то, что Конгресс не пойдёт на сколько-нибудь существенное снижение выплат по союзническим долгам и не стоит ожидать получения новых долгосрочных кредитов от Америки, но и то, что новые тарифы, скорее всего, затруднят европейским должникам Америки зарабатывать доллары, требовавшихся для обслуживания обязательств перед Уолл-стрит [Schattschneider 1935]¹⁸.

Мы уже никогда не узнаем, какой была бы реакция Штреземана на эту катастрофическую цепь событий. С весны 1928 г. его здоровье ухудшалось, и попытки не допустить разрыва между правым крылом НЛП и правительством «большой коалиции» стали для него непосильной ношей. Через несколько часов после того, как ему удалось добиться согласия германского правительства на план Янга, Штреземан перенёс несколько инсультов и умер. Но ещё до его безвременной смерти появились признаки скорой смены курса. Существует мнение, что за ростом интенсивности дискуссий между Штреземаном и французским министром иностранных дел Аристидом Брианом летом и осенью 1929 г. по крайней мере отчасти стояло чувство разочарования в Соединённых Штатах. А в последнюю неделю июня 1929 г. Штреземан заявил в Рейхстаге, что Европа становится «колонией тех, кому повезло больше, чем нам». Настало время для того, чтобы «французская, немецкая, а может быть, и другие европейские экономики нашли способ совместно противостоять конкуренции, лежащей на всех нас тяжким грузом» — в этих словах Штреземана прозвучал неожиданно неприязненный намёк на США [Krueger 1985: 498–499; Wright 2002: 475–476].

Так или иначе, поворот к европейской интеграции был единственной возможной реакцией на разочарование в надеждах, возлагавшихся на Америку¹⁹. Диаметрально противоположный вариант представляло собой поведение Ялмара Шахта, президента Рейхсбанка. Выражаясь языком теории эволюции, Шахт служит «недостающим звеном» между штреземановской стратегией экономического ревизионизма и сменившей ее после 1933 г. односторонней милитаристской агрессией. Подобно Штреземану, родившийся в 1877 г. в германо-американской семье Хорас Грили Ялмар Шахт сделал удачную карьеру в Германии Вильгельма²⁰. В то время как отец Шахта тщетно пытался достичь успеха в качестве

¹⁷ Оценку относительного значения процентных ставок и плана Янга см.: [Ritschl 2002: 107–141].

¹⁸ В широком историческом плане значение Закона Смута — Хоули состояло в возвращении американских тарифов к максимально высоким уровням, преобладавшим до 1914 г.; см.: [Eckes 1995: 106–109]. То, что главным был не абсолютный уровень новых тарифов, а рост неопределённости, подчёркивается исследователями; см.: [James 2001: 29].

¹⁹ О разочаровании немецкой общественности в США в конце 1920-х и начале 1930-х гг. см.: [Gassert 1997: 78–86].

²⁰ Самую лучшую краткую биографию Шахта см.: [James 1993: 206–218]; см. также превосходную работу: [Muehlen 1938].

сначала журналиста, а потом предпринимателя, сам он в полной мере воспользовался полученным им первоклассным образованием. Как и у Штреземана, его первым занятием стало лоббирование интересов либеральных кругов, выступавших за свободную торговлю, за которым последовало быстрое восхождение по служебной лестнице в Dresdner Bank. В 1914 г. Шахт вошёл в состав финансовой администрации оккупированной Бельгии, но в 1915 г. был вынужден подать в отставку из-за подозрений в коррупции. Вскоре после этого его нанял Nationalbank. В качестве директора этого быстрорастущего предприятия Шахт стал одним из тех, кому гиперинфляция была действительно выгодна. Как и Штреземан, Шахт был рациональным республиканцем (*Vernunftrepublikaner*), то есть республиканцем не по убеждениям, а по расчёту. Будучи одним из основателей леволиберальной НДП, созданной в 1918 г., в разгар Рурского кризиса он был выдвинут Штреземаном на должность главы Рейхсбанка [Feldman 1993: 792–796, 821–823]. Впоследствии многие видели в Шахте важнейшего союзника Штреземана в его попытках вернуть Германии международное уважение. Шахт, которому часто приписывается стабилизация рейхсмарки в 1924 г., поддерживал тесные связи и с банковскими кругами в США, и с Монтегю Норманом, управляющим Английского банка. Более того, в период хаоса (1923–1924 гг.) Шахт подумывал об альтернативной, британской стратегии, высказывая идею привязать рейхсмарку не к доллару, а к фунту стерлингов [Schoetz 1987: 827–835]. Но после того, как был принят план Дауэса, Шахт стал едва ли не более решительным приверженцем атлантистского подхода, чем сам Штреземан [Houwink ten Cate 1987: 186–228]. Однако в ещё большей степени, чем в случае Штреземана, эта рациональная концепция германской стратегии конфликтовала в душе Шахта с глубоким чувством уязвлённой национальной гордости. Намного настойчивее и намного менее тактично, чем Штреземан, Шахт связывал вопрос финансового урегулирования с требованиями возврата германских территорий [Berg 1990: 380–387]. Шахт не только стремился добиться как можно более быстрого вывода французских войск с немецкой земли. Он пользовался любой возможностью для того, чтобы поднять вопрос о границе с Польшей и даже требовал возвращения германских колоний. В апреле 1929 г. ревизионистские требования Шахта едва не привели к срыву переговоров по плану Янга. Сам этот план, несомненно, нанёс тяжелейший удар по вере Шахта в американский вариант. Сразу же после смерти Штреземана Шахт перешёл в открытую оппозицию к правительству Мюллера. Он использовал свои контакты на Уолл-стрит, чтобы саботировать попытки германского правительства получить новый американский заём, а 6 декабря 1929 г. опубликовал доклад с разгромной критикой не только плана Янга, но и всей финансовой стратегии, которой Веймарская республика придерживалась с 1924 г. [Hardarch 1976: 110–111]. Дни Шахта на посту президента Рейхсбанка были явно сочтены. К весне 1930 г. он подал в отставку и связал свою судьбу с силами, собиравшимися на правом краю немецкого политического спектра и к тому моменту решительно выступавшими против какого-либо дальнейшего финансового сотрудничества с бывшими врагами Германии.

Однако большинство германских политических партий в целом сохраняло приверженность принципу соблюдения финансовых и политических обязательств перед Англией, Францией и США. Более того, требования, накладывавшиеся планом Янга, оправдывали урезание бюджета, крайне привлекательное для значительной части правых и делового сообщества. По этой причине «большая коалиция» весной 1930 г. развалилась из-за вопроса о сокращениях бюджета [Winkler 1993: 364–380]. После Германа Мюллера в Германии почти 40 лет не было ни одного канцлера от социал-демократов. Его сменил непреклонный националист и католик Генрих Брюнинг, возглавивший правительство меньшинства. Рейхс-банк вместо Шахта возглавил Ганс Лютер. С тех пор и до сего дня решения в сфере экономической политики, принятые канцлером Брюнингом и президентом Рейхсбанка Лютером в марте 1930 — мае 1932 гг., остаются предметом ожесточённых дискуссий [Kruedener 1990; Kershaw 1990]²¹. Впрочем, во многом они лишены смысла. Если иметь в виду наличие ограничений международного характера, то станет ясно, что у Брюнинга и Лютера — по крайней мере, в 1930 г. — были связаны

²¹ См. последнюю из критических работ протокейнсианского и кейнсианского толка: [Meister 1991].

руки²². Согласно правилам золотого стандарта, в условиях, когда в соответствии с планом Янга Германия ежегодно выплачивала по 2 млрд рейхсмарок, а международные рынки капитала всё более нервно относились к германским займам, единственным выходом оставалась дефляция²³. Это повлекло за собой огромные политические издержки. В апреле — июле 1930 г. германская парламентская система раскололась в ходе борьбы вокруг дефляционного пакета Брюнинга. Для того чтобы ввести крайне непопулярный избирательный налог, Брюнинг, согласно статье 48 Веймарской конституции, 16 июля 1930 г. впервые воспользовался чрезвычайными полномочиями. После изданного 26 июля указа о всеобъемлющих чрезвычайных мерах последовали новые сокращения бюджета и повышения налогов. На фоне краха всемирной торговли и неумолимого давления делового цикла экономика страны вошла в пике. В июне 1930 — феврале 1931 гг. число безработных выросло на 2,1 млн человек, что вдвое превышало обычный сезонный прирост. На всеобщих выборах в сентябре 1930 г. национал-социалисты Гитлера добились оглушительного электорального прорыва, получив уже не 2,5%, а 18,3% голосов, которые принесли им 107 депутатских мандатов и сделали их второй по величине партией в Рейхстаге. Из-за последовавшего бегства капитала Рейхсбанк лишился трети своих резервов и был вынужден ещё сильнее поднять учётную ставку [Hardarch 1976: 120–121]. Но в то же время дефляционная стратегия позволила добиться поставленной цели. Торговый дефицит, составлявший в 1928 г. 2,9 млрд рейхсмарок, к 1931 г. превратился в торговый профицит в 2,8 млрд рейхсмарок (см. таблицу П.1 в приложении). Однако причиной этого профицита был не рост экспорта, а тот факт, что вследствие депрессии спрос на импортируемые товары падал ещё быстрее, чем продажи немецких товаров за рубежом. По мере того как закрывались заводы, а германское общество поражали безработица и бедность, спрос на зарубежное сырье и потребительские товары резко сократился. Это был жестокий процесс адаптации, но Германия следовала обычным требованиям, продиктованным механизмом золотого стандарта. В награду за это Брюнинг в октябре 1930 г. получил промежуточный кредит в 125 млн долларов, организованный для него фирмой Lee, Higginson and Co. из Нью-Йорка [Wala 2001: 158–166].

Если у правительства Брюнинга в 1930 и начале 1931 гг. имелось пространство для манёвра, то лишь в сфере внешней политики, а не экономики, и оно воспользовалось этим пространством самым пагубным образом [Kueger 1985: 507–551]. Вместо того чтобы следовать применявшейся в 1920-х гг. формуле Штресемана, сочетавшего экономические обязательства с осторожной дипломатией, Брюнинг и Юлиус Куртиус, соблюдая финансовые положения плана Янга, придерживались внешнеполитической риторики, позаимствованной у правых националистов. Первым элементом новой германской политики стало решение о постройке двух новых крейсеров, несмотря на отчаянное финансовое положение страны. Вторым и третьим элементами являлись предложение о создании австро-германского таможенного союза и все более инициативная немецкая политика в Центральной и Юго-Восточной Европе, нашедшая выражение в попытках заключить эксклюзивные двусторонние торговые соглашения с Венгрией и Румынией. Все три зубца этой стратегии были нацелены на Францию. Это логически вытекало из предшествовавшего отрицательного ответа Брюнинга на выдвинутое Брианом предложение об укреплении франко-германского экономического сотрудничества. Но момент для таких действий был выбран исключительно неудачно. На протяжении 1920-х гг. германская политика исходила из того, что хотя Франция представляет собой главную военную угрозу для Германии, в финансовом смысле она является третьестепенной державой, несопоставимой с США и Великобританией²⁴. Однако к 1931 г. такая точка зрения означала серьёзное непонимание соотношения сил в международной финансовой системе. После стабилизации франка в 1926 г. французский центральный банк приступил к система-

²² О констатации этого факта см.: [Borchardt 1982: 165–182]; см. также: [Eichengreen 1992: 230–246].

²³ По вопросу о том, были ли международные рынки капитала после принятия плана Янга абсолютно закрытыми для Германии, мнения расходятся; ср.: [Ritschl 2002: 105–120; Ferguson, Temin 2003: 1–53]. Сжатие рынка, несомненно, было достаточным для принятия серьёзных внутренних мер.

²⁴ О пренебрежительном отношении Шахта к Франции см.: [Houwink ten Cate 1987].

тическому накоплению золота. К 1931 г. его золотой запас существенно превышал запас Английского банка и даже приближался к запасам Федерального резерва США. Достоин внимания то, что в начале 1931 г. Бриан повторил попытку сблизиться с Германией, предложив открыть парижский рынок капитала для долгосрочных германских займов с целью содействовать Брюнингу в выполнении плана Янга. В ответ на это правительство Брюнинга 21 марта 1931 г. публично огласило предложение об австро-германском таможенном союзе, отрезав все пути к франко-германскому экономическому сотрудничеству.

Своей агрессивной внешней политикой Брюнинг ещё больше сузил себе пространство для экономического манёвра²⁵. В отсутствие возможностей для получения внешних займов Брюнингу не оставалось ничего иного, кроме как пойти на ещё один болезненный раунд дефляции. А для того чтобы сделать её приемлемой для отечественного электората, требовались немедленные шаги к ускоренному пересмотру плана Янга, поэтому 6 июня 1931 г., наряду со вторым чрезвычайным дефляционным указом, Брюнинг выдвинул агрессивное требование об отмене репараций [Winkler 1993: 404–414]. Именно этот ход стал началом катастрофы. Финансовые рынки ещё с марта испытывали беспокойство из-за зловещего возрождения германского национализма. Но, несмотря на банковский кризис в Австрии, не происходило «набегов» ни на немецкие банки, ни на немецкую валюту²⁶. Толчком к кризису послужила дальнейшая эскалация международных трений, вызванная действиями Брюнинга. В течение нескольких часов после агрессивного коммюнике германского правительства мировые финансовые рынки охватил страх, что Брюнинг объявит односторонний мораторий как на репарации, так и на обязательства Германии перед частными кредиторами. За следующую неделю резервы Рейхсбанка сократились с 2,6 млрд до 1,9 млрд рейхсмарок. Несмотря на шокирующий рост процентных ставок, объёмы резервов неумолимо сокращались, приближаясь к минимальному уровню, требовавшемуся для «золотого обеспечения» валюты. К 17 июня, когда газеты вышли с заголовками о проблемах банков DaNat-Bank и Dresdner Bank, Рейхсбанк уже столкнулся с полномасштабным валютным кризисом. Более того, внешняя финансовая ситуация Германии была настолько тяжёлой, что 20 июня президент Герберт Гувер был вынужден пойти на беспрецедентно резкое вмешательство.

Базовая логика атлантистской стратегии продолжала действовать и в начале лета 1931 г., несмотря на то, что ситуация в Германии становилась критической²⁷. Неверно оценив реакцию Франции, администрация Гувера в ответ на резкий поворот внешней политики Брюнинга к национализму придерживалась поразительно слабой линии [Costigliola 1984: 235–238]²⁸. Вместо того чтобы резко раскритиковать предложение о таможенном союзе, Вашингтон демонстрировал готовность рассматривать его как первый шаг на пути к европейской экономической интеграции. Осенью 1931 г. Госдепартамент США даже выразил неудовольствие по поводу того, что Франция и Польша не спешат отвечать на озабоченность Германии вопросом своих восточных границ. Но что самое главное, 20 июня 1931 г., в ответ на разговоры о неминуемом моратории по долгам Вашингтон наконец-то согласился увязать репарации с военными долгами союзников [Ritschl 2002: 150–151; Wala 2001: 169–179]. В интересах защиты американских займов, выданных Германии, Гувер предложил объявить всеобщий мораторий как на германские «политические платежи», так и на военные долги союзников, тем самым расчистив путь к формальной отмене германских обязательств по репарациям, объявленной год спустя на Лозаннской конференции [Heyde 1998: 200–224]. Однако в июне 1931 г. французы не были склонны к

²⁵ См.: [Ferguson, Temin 2003].

²⁶ См.: [Hardach 1976: 126–131], где этот момент был впервые отмечен; см. также: [Ferguson, Temin 2003], где то же было дополнительно подчёркнуто.

²⁷ Как отмечают исследователи, Брюнинг мог бы объявить мораторий Гувера триумфом германской внешней политики: [Winkler 1993: 415].

²⁸ Об американской политике в Берлине с декабря 1930 по июль 1931 гг. см.: [Burke 1994: 113–144].

уступкам. Гувер не провёл предварительных консультаций с французами. Париж, возмущённый тем, что США поставили интересы своих кредиторов, выдававших долгосрочные займы, выше французских требований о репарациях, протянул с одобрением моратория до 6 июля. Этого хватило для того, чтобы германская финансовая система потеряла сотни миллионов рейхсмарок в зарубежной валюте. Именно в этот решающий период банковский и валютный кризисы слились воедино, что имело фатальные последствия. В понедельник 13 июля произошло банкротство DaNat-Bank, и население бросилось снимать деньги в другие банки [Feldman 1995: 240–276]. Кабинет министров и Рейхсбанк были вынуждены приостановить работу германской финансовой системы, а 15 июля объявить о новой системе валютного контроля, покончившей со свободным функционированием золотого стандарта в Германии [Hardach 1976: 139]. Золотое содержание рейхсмарки номинально осталось прежним. Однако с лета 1931 г. запасы иностранной валюты, находившиеся в частном владении, подлежали в Германии национализации. Любой резидент, каким-либо образом получивший иностранную валюту, был обязан обменять её в Рейхсбанке на рейхсмарки. Всякий, кто нуждался в иностранной валюте, мог получить её лишь по заявке, поданной в Рейхсбанк, и выдача валюты по таким заявкам была строго ограничена. Импортёры получали иностранную валюту в количествах, соответствовавших фиксированной доле от объёма их зарубежных трансакций на протяжении 12 месяцев, предшествовавших кризису. Таким образом, Рейхсбанк получил возможность контролировать весь импорт. В августе последним штрихом кризиса стало так называемое соглашение о моратории, по которому мораторий на германские репарации распространялся на германские краткосрочные кредиты — самый нестабильный элемент в немецкой «горе долгов» [Heyde 1998: 255–264]²⁹.

Но на этом буря не утихла. Следующей жертвой волны финансовой нестабильности, накрывшей Европу, после Вены и Берлина стал Лондон: 20 сентября, после нескольких недель яростной атаки спекулянтов на фунт стерлингов, Великобритания вслед за Германией отменила золотой стандарт [The Economist 1931a: 547–548]. Однако Английский банк, в отличие от Рейхсбанка, предпочёл покончить с золотым стандартом, не приостановив свободную конвертируемость национальной валюты, а отказавшись от фиксированной привязки фунта к золоту. Фунт стерлингов по-прежнему можно было свободно продавать и покупать, но его стоимость уже не обеспечивалась золотом. За несколько недель ведущая мировая торговая валюта рухнула относительно рейхсмарки на 20%. Глобальная финансовая система лишилась якоря. Отказ Великобритании от золотого стандарта превратил суровую рецессию в глубокий кризис международной экономики. К концу сентября 12 стран вслед за Великобританией пустили свою валюту в свободное плавание. Ещё 11 стран девальвировали обменный курс своих валют, сохранив привязку к золоту. Те же, кто, подобно Германии, Франции и Нидерландам, придерживался прежнего курса национальной валюты к золоту, были вынуждены защищать свой платёжный баланс, введя драконовские ограничения на конвертируемость валюты и торговлю ею. Таким образом удавалось контролировать объёмы импорта. Но при этом германские экспортёры столкнулись с колоссальными препятствиями. Поскольку большинство важнейших торговых конкурентов Германии благодаря девальвации валюты получили серьёзные конкурентные преимущества, объём германского экспорта в 1931–1932 гг. упал ещё на 30%. С трудом завоёванный торговый профицит, составлявший в 1931 г. 2,8 млрд рейхсмарок, через год сократился до нескольких сотен миллионов рейхсмарок, но даже этот неустойчивый баланс удавалось поддерживать лишь при помощи дальнейшего драконовского сокращения импорта. К весне 1932 г. твёрдая валюта стала доступна для германских импортёров в объёмах, составлявших половину докризисных [Der Deutsche Volkswirt 1932a: 869, 875].

Очевидный способ облегчить положение Германии заключался в том, чтобы девальвировать рейхсмарку и восстановить её прежний курс по отношению к фунту стерлингов [Schiemann 1980: 166–292;

²⁹ «Соглашение о моратории» также ставило на первое место интересы американских кредиторов, выдававших краткосрочные займы [Ritschl 2002: 154–156].

Borchardt 1982a: 206–224; Heyde 1998: 280–296]. Более того, Английский банк уже летом высказывался в пользу девальвации рейхсмарки как самого эффективного ответа на банковский и валютный кризис³⁰. Не следует думать, будто соответствующие должностные лица в Германии и слышать не хотели о такой мере. Брюнинг впоследствии утверждал, что надеялся осуществить 20-процентную девальвацию после того, как минует острая фаза кризиса и Германия накопит достаточные резервы зарубежной валюты для того, чтобы гарантированно поддерживать новый курс рейхсмарки [Schiemann 1980: 188, 207–214]. В сентябре 1931 г. Ялмар Шахт выражал надежду на то, что Германия сумеет воспользоваться британскими затруднениями, чтобы добиться торговых и кредитных уступок при сохранении привязки рейхсмарки к фунту стерлингов. Однако с такой стратегией были связаны серьёзные риски, в чём Рейхсбанк хорошо отдавал себе отчёт. В общественном сознании девальвация была неотъемлемо связана с опытом гиперинфляции. В 1922–1923 гг. падавший на глазах курс рейхсмарки к доллару служил ежедневным напоминанием о бедственном положении Германии. Едва ли стоит удивляться тому, что немецкие экономисты и финансовые аналитики запугивали себя сценарием, в соответствии с которым серьёзная девальвация должна была резко повысить стоимость импорта, приведя к инфляции. Рейхсбанк, несомненно, беспокоился о том, что ограниченные резервы валюты сделают его беззащитным в случае спекулятивной атаки на девальвированную германскую валюту. Однако в итоге решающим фактором стало влияние девальвации на стоимость германского внешнего долга. Его основная часть была деноминирована в иностранной валюте. Соответственно снижение стоимости рейхсмарки немедленно привело бы к росту выраженных в рейхсмарках долговых обязательств Германии. Хотя Английский банк приветствовал германскую девальвацию, США чётко дали понять, что хотят, чтобы Германия обслуживала свои долгосрочные займы и в то же время защищала свой платёжный баланс при помощи мер валютного контроля³¹. После того как президент Гувер, наконец, высказался по вопросу о репарациях и даже намекнул на то, что мог бы поддержать претензии Германии к Польше, Берлин ещё раз сделал выбор в пользу атлантистской стратегии. Правительство канцлера Брюнинга рассчитывало, что рано или поздно (скорее, рано) американские действия, связанные с военными долгами, заставят Великобританию и Францию пойти на отмену репараций. А это, как уверенно ожидал Брюнинг, должно было проложить путь к нормализации политических и экономических отношений в Европе [Mommsen 1991: 119–140]. Однако прошло 12 катастрофических месяцев, прежде чем в Лозанне была заключена сделка. Между тем перспективы германской экономики выглядели всё более мрачными.

Брюнинг, вынужденный сохранять привязку к золоту из-за американских займов, но столкнувшийся с девальвацией большинства валют, в которых осуществлялась германская торговля, не имел иного выхода, кроме очередного раунда дефляции, и пошёл на него: четвёртый президентский чрезвычайный указ от 8 декабря 1931 г., запретив ношение партийной формы и политические демонстрации, также предусматривал обязательное сокращение ставок заработной платы, жалования, цен и процентных ставок, за которым последовали дальнейшее сокращение государственных расходов и повышение налогов [Winkler 1993: 435–437]. Как писал журнал «The Economist», такое покушение на «экономические свободы не имело аналогов за пределами СССР» [The Economist 1931c: 1115]. В качестве своего комиссара по дефляции Брюнинг избрал ультраконсервативного мэра Лейпцига Карла Герделера, немедленно приступившего к выполнению активно рекламировавшейся кампании экономии [Gillmann, Mommsen 2003: 179–183, 214–232, 240–247]. Однако угрозы краха Германии эта кампания не отменяла. Число безработных превысило 6 млн человек, и крупные сектора экономики ожидало неминуемое банкротство. Инфляция была пугалом для немецкого общества. Несомненно, непосредственное влияние дефляции на экономику было пагубным; в первую очередь из-за её влияния на бухгалтерские балансы. В то время как доходы и выручка сокращались одновременно с дефляцией цен и заработков, долговые,

³⁰ См. подробнее: [The Economist 1931b: 613].

³¹ О роли Америки при подталкивании Германии к валютному контролю см.: [Ritschl 2002: 153–154]. Против каких-либо подобных шагов выступала и Франция; см.: [Schiemann 1980: 195–200].

ипотечные и прочие финансовые обязательства оставались на высоких докризисных уровнях. Зимой 1931/1932 г. банкротства начали подрывать основы германского бизнеса. После летнего кризиса 1931 г. все крупные банки находились под контролем государства. Произошёл ряд громких банкротств в страховом деле и в машиностроении. С трудом держалась AEG — одна из главных германских электротехнических фирм. Кризиса удалось избежать лишь крупнейшему европейскому стальному и угольному конгломерату Vereinigte Stahlwerke благодаря тому, что государство приобрело большой пакет его акций, прежде принадлежавших Фридриху Флику. Как говорил своему однопартийцу министр финансов Герман Дитрих, «я не собирался национализировать половину Рура <...> но угроза того, что иностранные круги скупают акции, и тот факт, что банкротство <...> задело бы <...> Stahlverein, а это, в свою очередь, потрясло бы с таким трудом восстановленную структуру германских банков, не оставляли мне выбора <...>» (цит. по: [Reckendrees 2000: 471–507]).

Перед лицом надвигающейся экономической катастрофы развалился «дефляционный консенсус», на который опирался Брюнинг в течение первых 18 месяцев своего канцлерства [Feldman 1994: 703–718]. Роль застрельщика при этом снова сыграл Ялмар Шахт. На протяжении 1930 г. и в начале 1931 г. он удерживался от открытой критики в адрес правительства Брюнинга; возможно, в надежде вернуться на свою прежнюю должность в составе консервативно-националистической коалиции. После летних катастроф 1931 г. Шахт отказался от этой сдержанности, выступив на съезде националистических сил, проходившем в Бад-Харцбурге, с резким обличением бесхребетности репарационной политики Брюнинга³². Шахт заявил, что обновление Германии — вопрос не партийных политических программ и даже не вопрос ума. Это вопрос «личности». И Шахт уже не делал тайны из того, откуда он ожидал этого нравственного возрождения. Главными организаторами съезда были Гугенберг и НННП. Но на первые полосы газет попало появление Шахта на трибуне Харцбурга рядом с Адольфом Гитлером³³.

IV

Националистический поворот в германской внешней политике, произошедший в 1930–1931 гг., несомненно, был катастрофически несвоевременным. Тем не менее мораторий Гувера и стремление американцев покончить с репарациями означали, что атлантистская программа в известном смысле пришла к логическому завершению. В обычных условиях дальнейшее существование трансатлантической финансовой оси, конечно, оставалось бы привлекательным вариантом для Германии. Однако крах американской экономики и решение британцев отказаться от золотого стандарта потрясли финансовые предпосылки, на которых основывалась политика Штреземана. Единство и взаимозависимость мировой экономики, отнюдь не будучи самоочевидной исторической необходимостью, оказались под очень большим вопросом. Разумеется, и внутри Германии, и за ее пределами раздавались голоса, призывавшие к конструктивным усилиям по перестройке основ международного порядка³⁴. Но в условиях глобальной экономической катастрофы многим казалось, что на самом деле проблемой является сама международная экономическая взаимозависимость [James 2001: 187–199]. Теперь намного большим доверием пользовались националистические идеи — проекты будущего, в котором глобальные финансовые связи не оказывали решающего влияния на судьбы наций [Teichert 1984]. Четыре ключевых элемента этой националистической повестки дня вышли на передний план ещё до того, как Гитлер пришёл к власти. В массовом историческом сознании и в исторической литературе широко укорен-

³² Тогда же, в октябре 1931 г., с Брюнингом порвало и правое крыло НЛП, бывшей партии Штреземана; см.: [Winkler 1993: 430–432].

³³ Об аплодисментах в адрес Гитлера и Шахта см.: [Schulz 1980: 341]. О сенсации, которую вызвало выступление Шахта, см.: [Schulthess' Europaeischer Geschichtskalender 1932: 224–229].

³⁴ Либеральные силы по-прежнему сплывались вокруг журнала Густава Штольпера «*Der Deutsche Volkswirt*»; см., например, обзор последних публикаций Фердинанда Фрида: [Der Deutsche Volkswirt 1933b: 437–438].

нилось предубеждение, согласно которому действительно важным нововведением в экономической политике Третьего рейха по сравнению с экономической политикой Веймарской республики стало начавшееся после 1933 г. срочное осуществление программ национального возрождения и создания рабочих мест³⁵. Грубо говоря, считается, что Генрих Брюнинг сделал своим фетишем дефляцию. И напротив, важнейшую роль в пропаганде гитлеровского режима играли создание рабочих мест и борьба с безработицей. В свете происходившей почти в то же самое время «кейнсианской революции» в экономике этот контраст между тем, что было до и после 1933 г., наделяется ещё большим историческим значением. С точки зрения как немецких, так и зарубежных кейнсианцев, крах Веймарской республики навсегда останется самым выразительным примером последствий, вытекающих из избыточной веры в возможности свободного рынка к самоисцелению: эта риторическая связь активно использовалась во время затяжных арьергардных сражений кейнсианцев с интеллектуальными силами «новых правых» в 1970–1980-х гг.³⁶ Историю Германии в 1929–1933 гг. можно трактовать именно в этом плане. Но если мы хотим разобраться в природе гитлеровского режима, избегая этой анахронистической точки зрения, то акцент на создании рабочих мест как ключ к пониманию нацистской экономической политики представляется неуместным. Фактически создание рабочих мест в качестве темы обширных дискуссий на правом крыле германской политики всплывает лишь во второй половине 1931 г. Нацистская партия сделала создание рабочих мест ключевым пунктом своей программы только в конце весны 1932 г., и оно сохраняло этот статус всего 18 месяцев, до декабря 1933 г., когда расходы на создание рабочих мест в гражданском секторе были формально удалены из списка приоритетов гитлеровского правительства. Несмотря на заявления геббельсовской пропаганды и интерес позднейших комментаторов и историков к этой теме, меры по созданию рабочих мест в гражданской экономике явно не занимали главного места в повестке дня националистической коалиции, захватившей власть в январе 1933 г. По сути, этот вопрос служил предметом самых серьёзных разногласий между партнёрами по январской коалиции 1933 г.³⁷ Против экономических мер, финансируемых за счёт кредитов, яростно выступал Гугенберг, глава НННП и незаменимый партнёр Гитлера по коалиции. К созданию рабочих мест также с подозрением относились близкие к Нацистской партии деловые и банковские круги, нашедшие по данному вопросу активного сторонника в лице Ялмара Шахта. Совсем иначе обстояло дело с тремя приоритетными темами, действительно объединявшими правых националистов и сделавшими возможным создание гитлеровского правительства 30 января 1933 г., — перевооружением, отказом от внешних долгов Германии и спасением немецкого сельского хозяйства. Именно они находились на первом месте в повестке дня правых ещё с 1920-х гг. После 1933 г. их осуществление было объявлено приоритетным — при необходимости даже за счёт создания рабочих мест. Водоразделом между Веймарской республикой и Третьим рейхом стали шаги, предпринятые Гитлером для решения именно этих вопросов.

Разоружение и международные финансы были связаны друг с другом ещё с 1920-х гг. Но в 1932 г. в последней отчаянной попытке найти мирное решение европейских проблем администрация президента Гувера ещё более тесно увязала их друг с другом³⁸. К концу 1931 г. все стороны согласились с тем, что отмена репараций зависела от списания американцами французских и британских военных долгов. На практике этот консенсус нашёл отражение в чрезвычайном моратории 1931 г. Однако Гуверу по-прежнему требовалось получить согласие Конгресса на списание долгов, а для этого нужно было достичь каких-либо подвижек по вопросу о разоружении. То, что Франция и Великобритания мог-

³⁵ См.: [Silverman 1998] в названии работы: «Гитлеровская экономика. Нацистские программы по созданию рабочих мест, 1933–1936».

³⁶ Возможно, такая связь наиболее заметна в генеалогии немецкого кейнсианства, описанной в пятитомном издании: [Bombach et al. 1976–1984]; см. также: [Peter, Stewart 1987].

³⁷ О том, что Шахт в августе 1932 г. предостерегал Гитлера от каких-либо чересчур конкретных заявлений по экономической политике, см.: [ИМТ 1946-7: II, ЕС-456, 513-14].

³⁸ О взаимосвязи между тремя конференциями см.: [Geyer 1980: 236–244; Costigliola 1984: 218–261; Clavin 1996].

ли использовать финансовую поблажку, полученную от Америки, для увеличения военных расходов, было абсолютно неприемлемо, поэтому в начале 1932 г. американцы одновременно созвали две конференции: в Женеве — по разоружению и в Лозанне — по «политическим» долгам. Роль третьей трибуны играли затянувшиеся приготовления к международной конференции по глобальной экономике, которая должна была рассмотреть проблему расстройств мировой финансовой системы и вредного усиления международного протекционизма. В 1920-х гг. перед лицом предыдущих попыток Америки внести изменения в мировой порядок, Штресман положил в основу своей стратегии стремление закрепить за Германией роль ключевого союзника США. Напротив, начиная с 1932 г. правительства Франца фон Папена, генерала Курта фон Шлейхера и, наконец, Адольфа Гитлера занимали диаметрально противоположную позицию. Вместо того чтобы искать источник процветания и безопасности в многосторонних соглашениях, соблюдение которых гарантировалось бы мощью Соединённых Штатов, они стремились добиться для Германии односторонних преимуществ — при необходимости даже путём противодействия усилиям Америки по восстановлению международного порядка³⁹.

Тайная подготовка к перевооружению Германии продолжалась в течение всех 1920-х гг., но никогда не принимала действительно угрожающего размаха [Geuer 1976: 239–268; 1983: 101–123]. Штресман неизменно принимал меры к тому, чтобы подпольная деятельность военных не ставила под удар его главную цель — добиться вывода французских войск с немецкой земли и существенного снижения репараций. Уход последних иностранных войск из Рейнской области летом 1930 г. создал условия для более конкретных решений. Брюнинг отдавал явное предпочтение графику, при котором германская армия — рейхсвер — должна была начать перевооружение сразу после снятия вопроса о репарациях. К декабрю 1931 г. рейхсвер окончательно принял второй так называемый план перевооружения (*Ruestungsplan*), предусматривавший расходы в объёме немногим более 480 млн рейхсмарок в течение пяти лет [Geuer 1975: 125–172]. Согласно этому плану, Германия в случае нападения получала возможность выставить оборонительные силы в количестве 21 дивизии, оснащённые небольшим количеством артиллерии, танков и самолётов. Более амбициозный вариант этого плана, известный как «программа на миллиард рейхсмарок» («*Milliardenprogram*»), предполагал дополнительные расходы на создание промышленной инфраструктуры, требовавшейся для постоянного содержания этих сил. Однако, поскольку эти планы не требовали увеличения численности рейхсвера по сравнению со штатами мирного времени, они (по крайней мере, формально) не нарушали условий Версальского договора. На протяжении 1932 г. благодаря росту влияния генерала Шлейхера в германской политике планы рейхсвера становились все более смелыми и срочными. Во второй половине 1932 г. руководство рейхсвера задумалось о резком увеличении его численности в мирное время, что являлось открытым нарушением Версальского договора. План реорганизации, утверждённый Шлейхером 7 ноября 1932 г., предусматривал создание постоянной армии размером в 21 дивизию, кадровым ядром которой должны были стать 147 тыс. профессиональных военнослужащих, и значительного ополчения. Осенью 1932 г. немецкая делегация на женевских переговорах о разоружении временно покинула конференцию в попытке принудить Францию и Великобританию к признанию равноправного статуса Германии: любые договорённости должны были в равной мере распространяться на всех участников. Однако Шлейхер, в декабре 1932 г. ставший канцлером, по-прежнему воздерживался от полного разрыва с международным сообществом. Добившись согласия на соблюдение принципа равенства с другими державами, немцы вернулись в Женеву. Тем не менее за спиной у Шлейхера стояла более агрессивная когорта генералов, включая Вернера фон Бломберга, призывавшего к одностороннему перевооружению в открытом порядке. Более того, практические проблемы перевооружения диктовали собственный график. Великая депрессия все сильнее сказывалась на состоянии германского машиностроения. Казалось, что если государство в ближайшее время не выделит существенных средств, те промышленные мощности,

³⁹ Кратко, но информативно об этой проблеме см.: [Sirois 2000: 51–59].

от которых в конечном счёте зависело перевооружение, вскоре могли быть утрачены⁴⁰. Именно это имело в виду правительство генерала Шлейхера, первым прибегнув к созданию рабочих мест — как к средству скрыть военные расходы от иностранных наблюдателей, так и к способу объединить немецкий народ при помощи программы перевооружения.

В строго экономическом плане ключевым моментом, определявшим повестку дня германского национализма начиная с принятия плана Дауэса в 1924 г., было не создание рабочих мест, а отказ от международных обязательств Германии — сперва от репараций, а затем от международных кредитов, которые брались с начала 1920-х гг., чтобы выплачивать репарации. Как мы видели, вплоть до 1932 г. эта логика диктовала необходимость держаться за США. План Янга по крайней мере предполагал снижение ежегодных выплат, а какую-либо надежду на полную отмену репараций давала только позиция США. Ультранационалисты поэтому оставались в меньшинстве, а выполнение обязательств по-прежнему служило краеугольным камнем серьёзной государственной политики. Однако к осени 1932 г. ситуация заметно изменилась. В июле 1932 г. на лозаннской конференции по репарациям Великобритания и Франция согласились на сделку, де-факто положившую конец германским репарационным платежам [Clavin 1996: 30–59; Heyde 1998: 408–455]. Существенно то, что при этом, вопреки пожеланиям американцев, они увязали аннулирование всех германских обязательств со списанием своих военных долгов перед Америкой. Британия произвела последнюю выплату по американским военным долгам в декабре 1932 г., но лишь после того, как США заявили протест. Франция, Бельгия, Польша, Эстония и Венгрия просто объявили себя неплатёжеспособными. Премьер-министр Франции Эдуар Эррио, выступавший за выполнение французских обязательств, потерпел сокрушительное поражение в парламенте. Америка была уже не в состоянии быть арбитром в европейских конфликтах. И это имело самые серьёзные последствия для немецкой стратегии.

В январе 1933 г. Германия всё ещё была должна зарубежным кредиторам 19 млрд рейхсмарок, из которых 10,3 млрд приходились на долгосрочные обязательства, а 4,1 млрд — на краткосрочные займы, покрывавшиеся «соглашением о моратории» [Harris 1935]. По крайней мере 8,3 млрд рейхсмарок из этой суммы составлял долг перед крупнейшим кредитором — Соединёнными Штатами. Это долговое бремя, сократившееся с 1924 г., представляло собой не менее серьёзную угрозу для уровня жизни немецкого народа, чем репарации, к тому моменту уже снятые с повестки дня. В процессе обслуживания долга Германия ежегодно должна была переводить за границу проценты и часть основного долга на общую сумму, приближавшуюся к 1 млрд рейхсмарок, а с учётом недоступности новых кредитов в 1930-х гг., в отличие от 1920-х, перед Германией вставала перспектива производить «реальные платежи». Она не могла расплачиваться с кредиторами, просто делая новые займы. Для того чтобы Германия имела возможность обслуживать свой долг, ее экспорт должен был превышать импорт по крайней мере на 1 млрд рейхсмарок. Это означало существенное снижение уровня жизни. Кроме того, после прекращения репараций почти половина обременительных выплат Германии в счёт обслуживания долга доставалась одной-единственной стране — Соединённым Штатам. Поскольку Германия всё ещё нуждалась в поддержке Америки для того, чтобы заставить Великобританию и Францию отменить репарации, Берлин был заинтересован в сотрудничестве с Вашингтоном, несмотря на тяжёлое бремя американских долгов и на ничтожные шансы получения новых кредитов. После заключения Лозаннского соглашения о репарациях, когда Франция и Великобритания вступили в ожесточённый конфликт с США из-за своих военных долгов, необходимость в этом сотрудничестве отпала. Да и в случае дефолта Германии не приходилось слишком опасаться американских торговых санкций. Баланс трансатлантической торговли был крайне невыгоден для Германии. В этом отношении усилия США по достижению европейской стабилизации заключали в себе фундаментальное противоречие⁴¹. Американские

⁴⁰ О поддержке, оказываемой военными фирмам, находившимся в сложном положении, см.: [Hansen 1978: 179–185].

⁴¹ Это чётко прочитывалось и в докладе Лейтона о ситуации в Германии в августе 1931 г.; см.: [Winkler 1993: 420].

таможенные тарифы, превышавшие 44%, усиливали американские конкурентные преимущества почти во всех отраслях промышленности. Одновременно они фактически лишали американских должников возможности расплатиться, даже если те этого хотели. После отмены репараций это противоречие, скрывавшееся в американской внешнеэкономической политике, дало германским националистам готовый предлог для объявления дефолта. Разумеется, это был не единственный исход, к которому могла привести ситуация в Германии. Агрессивные односторонние шаги и дефолт не были предопределены. В 1920-х гг. Штресеман стремился превратить Германию в ведущего защитника многосторонней свободной торговли, и эту линию с энтузиазмом поддерживали по крайней мере экспортоориентированные отрасли⁴². В конце концов, во времена процветания Германия была одной из ведущих торговых наций мира, отправляя свои товары буквально во все уголки земного шара. В 1932–1933 гг. уже шли предварительные переговоры о проведении в Лондоне Всемирной экономической конференции, на которой ключевым вопросом должны были стать тарифы [Clavin 1996: 61–80]. У Германии ещё оставалась возможность сыграть позитивную роль проводника либерализации, а не националистического распада мира на отдельные экономики. Однако к 1932 г. либеральные голоса утонули в шуме и гаме экономического национализма. Более того, в условиях краха золотого стандарта даже ассоциация промышленников страны с большим трудом поддерживала консенсус в отношении многосторонней свободной торговли. И атаку националистов на этом фронте снова возглавил бывший президент Рейхсбанка Ялмар Шахт. В конце 1931 г. он выложил перед несколькими ведущими промышленниками Германии новый торговый план [Neebe 1981: 122–126; Dengg 1986: 386–387]. В соответствии с этим планом в стране предполагалось создать организацию наподобие той, что существовала во время Первой мировой войны, и с её помощью осуществлять централизованный контроль над всем германским импортом. В дальнейшем эти меры можно было использовать для того, чтобы принудить страны, поставлявшие в Германию свои товары, к принятию германского экспорта по крайней мере в равных количествах. План Шахта наносил ущерб сложным многосторонним отношениям Германии, поэтому он получил поддержку лишь у немногих немецких промышленников. Однако среди аграриев враги либерализма нашли больше активных сторонников.

В той степени, в которой экономические интересы отвечали за крах Веймарской республики и создание гитлеровского правительства, пришедшего к власти 30 января 1933 г., основная вина лежала не на крупном бизнесе и даже не на тяжёлой промышленности, а на ожесточившихся немецких фермерах [Kershaw 1998: 414]. Либерализм ещё с 1870-х гг. лишился поддержки в деревне⁴³. Бисмарк в 1879 г. заручился расположением аграриев, установив первую серьёзную пошлину на зерно. Это не привело к упадку сельского хозяйства, но существенно замедлило перестройку общества и внутренние миграции — при бездействии государства эти процессы протекали куда более болезненно. В середине XIX века половина немецких трудящихся была занята в сельском хозяйстве. К 1925 г. эта доля сократилась до 25%, но это всё равно означало, что сельское хозяйство служило непосредственным источником средств к существованию для 13 млн человек, поэтому голоса аграрного лобби были очень важны для всех политических партий, кроме социал-демократов и коммунистов, не имевших привлекательной аграрной программы. Однако к концу 1920-х гг. респектабельные правоцентристские партии теряли поддержку в аграрных кругах по мере того, как немецкое сельскохозяйственное сообщество проникалось всё более радикальными настроениями, вызванными общемировым обрушением товарных цен [Pyta 1996: 203–233]. В результате аграрное лобби стало требовать не только всё более серьёзной протекции и списания долгов, но и принципиального поворота в германской торговой политике. Поскольку пошлины оказались неэффективной мерой защиты против конкуренции со стороны дешёвых

⁴² В отсутствие принципиального решения в пользу низких тарифов возникло болезненное противостояние между сельским хозяйством и работающей на экспорт промышленностью, которое удалось преодолеть рядом неловких временных мер, благодаря которым низкие тарифы сохранялись по крайней мере до 1929 г.; см.: [Stegmann 1977: II. 499–513; Spaulding 1997: 123–137].

⁴³ О развитии немецкого протекционизма в европейском контексте см.: [Tracy 1989].

товаров, аграрии настаивали уже на введении специальных квот, призванных ограничить импорт важнейших сельскохозяйственных товаров в Германию из конкретных стран [Voelcke 1994: 17–20]. Либерально мыслящие немцы всегда возражали против сельскохозяйственных тарифов. Более того, новые предложения, предусматривавшие дискриминацию отдельных торговых партнёров, угрожали полностью разрушить систему многосторонней торговли. Тем не менее нельзя отрицать того, что чрезвычайные меры, принятые в июле 1931 г., указывали именно на это. В конце концов, введённая Рейхсбанком новая система ограниченной выдачи зарубежной валюты являлась именно тем механизмом, который требовался для контроля за структурой германского импорта⁴⁴. Но в том, что касалось квот, Брюнинг оставался непреклонен. Его правительство щедро оказывало поддержку сельскому хозяйству во всех других отношениях, но по вопросу о квотах не желало идти на компромиссы [Petzina 2000: 10–45]. В этом отношении и Папен, и Шлейхер следовали примеру Брюнинга. Папен, в принципе одобряя квоты, был согласен на них лишь в пределах, «не нарушающих действующих торговых соглашений», а после того, как правительство Папена пало, со стороны Шлейхера не последовало никаких решительных действий [Spaulding 1997: 222–233]. Однако из-за этого аграрное лобби встало в открытую оппозицию к республике⁴⁵. В начале 1933 г. ключевые вожди аграрного лобби решительно подступились к президенту Паулю фон Гинденбургу, который сам был крупным землевладельцем, с целью заставить его признать коалицию между НННП Гугенберга и НСДАП Гитлера. Аграрии, подобно сторонникам дефолта по долгам и перевооружения, хотели видеть во главе страны такое правительство, которое в одностороннем порядке претворяло бы в жизнь их концепцию немецких национальных интересов и заставило соседей и торговых партнеров Германии согласиться на его условия.

V

Враги либерализма в Германии явно поднимали голову. К 1932 г. ущерб, нанесённый парламентской системе, вполне мог оказаться непоправимым, вследствие чего Веймарскую республику почти наверняка сменил бы какой-нибудь авторитарный националистический режим. В конце концов, в 1932 г. и канцлером, и президентом республики в Германии были генералы. Но чем больше становится известно о закулисных манёврах, окончившихся тем, что 30 января 1933 г. канцлером стал Гитлер, тем менее вероятным представляется, что этот исход был в каком-либо смысле предопределён. Как будто бы имеются все основания полагать, что мир мог избежать кошмара национал-социалистической диктатуры, если бы Гитлера ещё несколько месяцев не подпускали к власти. Нацисты добились своего самого яркого электорального триумфа в июле 1932 г., получив на всеобщих выборах, последовавших за изгнанием канцлера Брюнинга, 37,2% голосов. Из-за сопротивления со стороны президента Гинденбурга и ключевых членов кабинета Папена Гитлеру не был предложен пост рейхсканцлера, а на менее значительные должности он не соглашался [Winkler 1993: 509–512]. Несмотря на свой электоральный триумф, НСДАП осталась в оппозиции и в ноябре, на вторых всеобщих выборах 1932 г., поплатилась за это. Хотя по итогам выборов не удалось создать работоспособное парламентское большинство, следствием чего стало падение канцлера Папена, серьёзный ущерб понесла и партия Гитлера — доля поданных за неё голосов составила менее 33%. Избиратели Гитлера явно были разочарованы его нежеланием входить в состав правительства. Партийные активисты начали колебаться. Импульс, который с 1929 г. вёл НСДАП от победы к победе, иссяк. После ноябрьской неудачи неожиданно вновь дали о себе знать трения между левым и правым крыльями, преследовавшие национал-социализм в 1920-х гг. В декабре 1932 г. генерал Шлейхер, реальный «делатель королей» в германской политике, наконец взял

⁴⁴ Этот момент не укрылся от внимания сторонников протекционистских мер в таких секторах промышленности, как текстильный, но встретил противодействие со стороны министра экономики; см.: [Wiegmann 1993: 220–222].

⁴⁵ Помимо торговых вопросов, Союз сельских хозяев (Reichslandbund) прилагал все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать любым попыткам ликвидации крупных поместий на востоке страны и раздачи этих земель крестьянам; см.: [Merkenich 1998: 300–319].

власть в свои руки и сразу же завоевал популярность, дав старт первой общенациональной инициативе по созданию рабочих мест. Густав Штольпер впоследствии вспоминал весёлый деловой завтрак, состоявшийся в январе 1933 г. в рейхсканцелярии, где Шлейхер и его помощники по очереди предсказывали, сколько ещё голосов нацисты потеряют на выборах, которые Шлейхер надеялся провести весной [Stolper 1967: 309–310].

Между тем в Америке в июне 1932 г. впервые замаячил призрак выздоровления экономики⁴⁶. После того, как в Лозанне были отменены репарации, спрос на германские облигации начал расти [Der Deutsche Volkswirt 1932b: 1340]. Это было очень важно, поскольку давало банкам, находившимся в сложной ситуации, возможность избавиться от неликвидных активов и восстановить запасы наличных денег. В конце лета наметились признаки оживления в строительстве. После того, как был собран урожай, а стройки были законсервированы из-за зимы, опять начался неизбежный рост безработицы, вновь приблизившейся к ужасающему уровню в 6 млн человек. Но специалистов радовал уже тот факт, что она не превысила уровня, достигнутого в предыдущем году. «Уровень безработицы, претерпевающий сезонные колебания» — новое понятие, набравшее популярность благодаря такой новомодной науке, как анализ деловых циклов, — стабилизировался. К концу 1932 г. экономическая ситуация в Германии оптимистично оценивалась уже не только в журнале Штольпера «Der Deutsche Volkswirt», но и в авторитетном полугодовом отчёте банка Reichskreditgesellschaft [Reichskreditgesellschaft 1933]. В декабре 1932 г. даже Берлинский институт изучения деловых циклов — самая влиятельная и одна из самых пессимистичных структур, занимавшихся оценкой состояния экономики в межвоенной Германии, — объявил, что по крайней мере процесс «сжатия» завершился⁴⁷. Берлинский корреспондент журнала «The Economist» сообщал, что «впервые за три или четыре года» германская буржуазия увидела «проблески света в экономике» [The Economist 1932b: 1185–1186]. Это заявление очень важно, поскольку оно противоречит всем последующим описаниям немецкой экономики при национал-социализме⁴⁸. Немецкая экономика в 1933 г. вовсе не была кучей обломков. В ней начиналось то, что вполне могло оказаться энергичным циклическим восстановлением. Новогодние передовицы в берлинской печати 1 января 1933 г. были проникнуты оптимизмом. Социал-демократическая ежедневная газета «Vorwaerts» приветствовала новый год заголовком «Взлёт и падение Гитлера» [Turner 1996: 1–2].

В данном случае судьбу Германии, а вместе с ней и всего мира, решил трагический просчёт небольшого кружка консервативных ультра националистов. Бывший канцлер Папен, раздосадованный своим изгнанием в декабре 1932 г., вступил в сговор с аграрным лобби и некоторыми наиболее агрессивными элементами в военных кругах, чтобы заставить престарелого Гинденбурга дать отставку Шлейхеру и сформировать новое правительство на основе популярной национал-социалистической платформы. Для этого требовалось назначить Гитлера канцлером. Но ответственность и за сельское хозяйство, и за экономику брал на себя ультра националист Гугенберг. Генерала Бломберга предполагалось сделать министром обороны, а Папена — вице-канцлером. Не следует полагать, что баланс сил в правительстве Гитлера — Гугенберга — Папена — Бломберга был преопределён. В германском обществе имелись влиятельные силы — в первую очередь в военных и в церковных кругах, но также и в верхушке германского бизнеса, — которые были способны на многое для того, чтобы воспрепятствовать Гитлеру и его сторонникам на их пути к власти [Jasper 1986]. Очевидно, что политика антисемитизма, агрессивного перевооружения и односторонней дипломатии ни в коем случае не была навязана Германии. Более того, необходимость подчёркивать это может показаться некоторым читателям абсурдной. Но такой подход позволяет чётко дать понять, что подобные стандарты критики, основанной на альтерна-

⁴⁶ Зарубежную точку зрения см.: [The Economist 1932a: 493]. Обзор литературы того времени см.: [Buchheim 2003: 13–26].

⁴⁷ Критику хронически пессимистической позиции этого института см.: [Der Deutsche Volkswirt 1932b: 291].

⁴⁸ Увековеченным, несмотря на все имеющиеся факты; см.: [Abelshauser 1999: 505–506].

тивных допущениях, не всегда беспристрастно применяются ко всем аспектам гитлеровского режима. По сути, от такой критической проверки зачастую полностью освобождается экономическая сфера. Слишком часто допускается, что реальный стратегический выбор в экономической политике — выбор, реально зависевший от национал-социалистической идеологии, — встал перед режимом Гитлера лишь в 1936 г., через четыре года после захвата им власти. Слишком часто допускается и то, что наиболее приоритетным для режима направлением не могла не быть борьба с безработицей. Но из избыточного внимания к вопросу создания рабочих мест вытекает ещё одно следствие. В связи с проблемой безработицы можно изложить события так, как будто бы гитлеровский режим просто давал сильно запоздавший функциональный ответ на глубокий экономический кризис, в котором оказалась Германия. Более того, во многих работах, в том числе и недавних, можно уловить намёк на восхищение способностью гитлеровского режима порвать с косным консерватизмом, якобы сковывавшим предыдущие правительства в их действиях⁴⁹. Но, как уже отмечалось (более подробно об этом пойдёт речь во второй главе «Каждому трудящемуся — по рабочему месту»), «кейнсианские» вопросы создания рабочих мест и безработицы никогда не занимали такого важного места в повестке дня гитлеровского правительства, как обычно считается. Важнейшие решения в области экономической политики, сделанные в 1933–1934 гг., касались не безработицы, а внешнего долга Германии, её валюты и перевооружения, и в отношении этих вопросов режим никогда не мог бы претендовать на политическую невинность. Они составляли самое ядро националистической программы самоутверждения, которая и являлась истинной повесткой дня для гитлеровского правительства. Более того, если поставить на должное место вопросы внешнего долга и внешней торговли, станет ясно, что для многих миллионов немцев гитлеровское экономическое чудо на самом деле стало весьма неоднозначным испытанием.

Если стремиться избежать деполитизированной экономической истории нацистского режима, противоречащей представлениям о всех остальных аспектах его истории, то следует всегда иметь в виду, что даже в 1933 г. существовали альтернативы той экономической стратегии, которую осуществляло правительство Гитлера. Более того, эти альтернативы вполне могли принести более значительные материальные блага большинству германского населения. Однако, не упуская из вида представление об альтернативах и создаваемую ими возможность критики, не следует недооценивать и ущерб, причинённый внутри и вне Германии Великой депрессией. Даже если бы Гитлер не был назначен канцлером и Шлейхер остался у власти, трудно себе представить, что Германия избрала бы курс, который не был пагубным для последних отчаянных попыток восстановить на Земле мир и стабильность. Такие попытки были предприняты на переговорах о разоружении в Женеве и на Всемирной экономической конференции в Лондоне. Кроме того, ничего не стоит попасть в солипсистскую ловушку националистической стратегии, заявив, что решение этой проблемы в конечном счёте зависело от Германии, которая могла осуществлять политику, более или менее способствовавшую глобальной стабилизации, но шанс на достижение этой ускользающей цели в первую очередь определялся другими крупными державами. В 1933 г. условия намного меньше способствовали многосторонней стратегии, чем десятью годами ранее. Прежде всего, резко изменилась позиция США. В 1923 г. Штресман, очевидно, был прав, поставив на Америку как на доминирующую силу в мировых делах — и в экономическом плане, и как на будущую военную сверхдержаву. Спустя 10 лет позиция Америки была фатально ослаблена самым суровым кризисом, известным в экономической истории. Когда Гитлер взял власть, Гувера сменил Рузвельт, который в течение первых пяти месяцев пребывания в должности президента занимался исключительно спасением Америки от последнего катастрофического приступа депрессии. Прошли годы, прежде чем США вновь стали играть ключевую роль в вопросах мировой политики, но к тому времени жуткий режим Гитлера набрал слишком большой импульс, чтобы его можно было остановить иначе, чем грубой силой.

⁴⁹ См., например: [Abelshauser 1999].

Приложение

Дополнительные данные

Таблица П.1

Текущий счёт: зависимость Германии от иностранных ресурсов

Годы	Текущий счёт	Торговый баланс	Баланс торговли услугами, процентами, дивидендами и репарациями
	1	2	3
1913	939	- 673	1612
1924	- 1664	- 1816	152
1925	- 3045	- 2444	- 601
1926	- 39	793	- 832
1927	- 4244	- 2960	- 1284
1928	- 3192	- 1311	- 1881
1929	- 2469	- 44	- 2425
1930	- 610	1558	- 2168
1931	1040	2778	- 1738
1932	257	1052	- 795
1933	132	666	- 534
1934	- 534	- 373	- 161
1935	- 107	- 8	- 99
1936	615	544	71
1937	259	437	- 178
1938	- 566	- 319	- 247
1939	53	376	- 323
1940	- 1012	- 72	- 940
1941	- 3331	39	- 3370

Источники: [Hoffmann 1965: 816–828; Ritschl 1991: 123].

Примечание: столбец 1 представляет собой сумму столбцов 2 и 3. Положительное значение текущего счета подразумевает, что иностранные экономики были должны Германии. Отрицательное значение подразумевает, что Германия жила за счёт зарубежных займов или иных неоплаченных поступлений иностранной валюты и золота (сюда входят, например, захват австрийского золотого запаса и взимание оккупационных платежей, не называвшихся репарациями).

Литература⁵⁰

Abelshauer W. 1999. *Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder: Deutschlands wirtschaftliche Mobilisierung fuer den Zweiten Weltkrieg und die Folgen fuer die Nachkriegszeit*. VfZ. 47.

Berg M. 1990. *Gustav Stresemann und die Vereinigten Staaten von Amerika: Weltwirtschaftliche Verflechtung und Revisionspolitik 1907–1929*. Baden-Baden.

Boelcke W. A. 1994. *Deutschland als Welthandelsmacht 1930–1945*. Stuttgart.

Bombach G. et al. (eds) 1976–1984. *Der Keynesianismus*. Bände I–IV. Berlin; Heidelberg; New York.

⁵⁰ Описание источников даётся по оригиналу. — *Примеч. ред.*

- Borchardt K. 1982a. Zur Frage der waehrungspolitischen Optionen Deutschlands in der Weltwirtschaftskrise. In: Borchardt K. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeumer der Wirtschaftspolitik*. Goettingen; 206–224.
- Borchardt K. 1982b. Zwangslage und Handlungsspielraeume in der grossen Weltwirtschaftskrise der fruehendreissiger Jahre. In: Borchardt K. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeume der Wirtschaftspolitik*. Goettingen; 165–182.
- Boyce R. W. D. 1987. *British Capitalism at the Crossroads 1919–1932*. Cambridge.
- Buchheim C. 2003. Die Erholung von der Weltwirtschaftskrise 1932/33 in Deutschland. *Jahrbuch fuer Wirtschaftsgeschichte*. 1; 13–26.
- Burke B. V. 1994. *Ambassador Frederic Sackett and the Collapse of the Weimar Republic, 1930–1933*. Cambridge.
- Case J. Y., Case E. N. 1982. *Owen D. Young and American Enterprise*. Boston.
- Clavin P. 1996. *The Failure of Economic Diplomacy: Britain, Germany, France and the United States, 1931–1936*. New York.
- Costigliola F. 1984. *Awkward Dominion: American Political, Economic and Cultural Relations with Europe, 1919–1933*. Ithaca, NY.
- Dengg S. 1986. *Deutschlands Austritt aus dem Voelkerbund und Schachts Neuer Plan*. Frankfurt.
- Der Deutsche Volkswirt*. 1932a. 1.04.
- Der Deutsche Volkswirt*. 1932b. 8.07.
- Der Deutsche Volkswirt*. 1932c. 9.12.
- Der Deutsche Volkswirt*. 1933. 6.01.
- Eckes A. E. 1995. *Opening America's Markets*. Chapel Hill, NC.
- Eichengreen B. 1992. *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939*. Oxford.
- Feldman G. D. 1994. From Crisis to Work Creation: Government Policies and Economic Actors in the Great Depression. In: Kocka J., Puhle H.-J., Tenfelde K. (eds) *Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat*. Munich; 703–718.
- Feldman G. 1993. *The Great Disorder: Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924*. Oxford.
- Feldman G. D. et al. 1995. *The Deutsche Bank 1870–1995*. London.
- Frigge R. 1984. *Das erwartbare Abenteuer: Massenrezeption und literarisches Interesse am Beispiel der Reiserzaehlungen von Karl May*. Bonn.

- Gassert P. 1997. *Amerika im Dritten Reich*. Stuttgart.
- Geyer M. 1975. Das Zweite Ruestungsprogramm 1930–1934. *MGM*. 17.
- Geyer M. 1976. Militaer, Ruestung und Aussenpolitik: Aspektemilitaerischer Revisionspolitikinder Zwischenkriegszeit. In: Funke M. (ed.) *Hitler, Deutschland und die Maechte*. Dusseldorf.
- Geyer M. 1980. *Aufruestungoder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936*. Wiesbaden.
- Geyer M. 1983. Etudes in Political History: Reichswehr, NSDAP, and the Seizure of Power. In: Stachura P. D. (ed.) *The Nazi Machtergreifung*. London.
- Geyer M. 1992. The Stigma of Violence, Nationalism, and War in Twentieth-Century Germany. *German Studies Review*. 15 (Winter).
- Gillmann S., Mommsen H. (eds). 2003. *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*. Munich.
- Glasemann H.-G. 1993. *Deutschlands Auslandsanleihen 1924–1945*. Wiesbaden.
- Hansen E. W. 1978. *Reichswehr und Industrie*. Boppard.
- Hardach G. 1976. *Weltmarktorientierung und relative Stagnation*. Berlin.
- Harris C. R. S. 1935. *Germany's Foreign Indebtedness*. Oxford.
- Heyde P. 1998. *Das Ende der Reparationen: Deutschland, Frankreich und der Youngplan 1929–1932*. Paderborn.
- Houwink ten Cate J. 1987. Hjalmar Schacht als Reparationspolitiker. 1926–1930. *Vierteljahrschrift fuer Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*. 74.
- IMT. 1946–1947. *Nazi Conspiracy and Aggression*. Washington.
- James H. 1985. *The Reichsbank and Public Finance in Germany 1924–1933*. Frankfurt.
- James H. 1989. *A German Identity 1770–1990*. London.
- James H. 1993. Hjalmar Schacht. In: Smelser R., Syring E., Zitelmann R. (eds) *Die Braune Elite*. Darmstadt.
- James H. 2001. *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression*. Cambridge, MA.
- Jarausch K. H., Geyer M. 2003. *Shattered Past: Reconstructing German Histories*. Princeton.
- Jasper G. 1986. *Die Gescheiterte Zaehmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers, 1930–1934*. Frankfurt.
- Jones L. E. 1988. *German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918–1933*. Chapel Hill, NC.

- Kershaw I. (ed.) 1990. *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* London.
- Kershaw I. 1998. *Hitler, 1889–1936: Hubris*. London.
- Kindleberger C. P. 1986. *The World in Depression, 1929–1939*. Berkeley.
- Kroll F.-L. 1998. *Utopieals Ideologie: Geschichtsdenken und politisches Handelnim Dritten Reich*. Paderborn.
- Kruedener J. von (ed.) 1990. *Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924–1933*. Oxford.
- Krueger P. 1985. *Die Aussenpolitik der Republik von Weimar*. Darmstadt.
- Niedhart G. 1999. *Die Aussenpolitik der WeimarerRepublik*. Munich.
- Link W. 1970. *Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921–1932*. Duesseldorf.
- Linkemeyer B. 1987. *Was hat Hitler mit Karl May zutun?* Abstadt.
- Luedtke A., Marssolek I., Saldern A. von . (eds). 1996. *Amerikanisierung: Traum und Alptraumim Deutschland des 20. Jahrhunderts*. Stuttgart.
- Mann K. 1940. Cowboy Mentor of the Fuehrer. *Living Age*. 359.
- McNeil W. C. 1986. *American Money and the Weimar Republic*. New York.
- Meister R. 1991. *Die Grosse Depression: Zwangslagen und Handlungsspielraeume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932*. Regensburg.
- Merkenich S. 1998. *Gruene Front gegen Weimar: Reichs-Landbund und agrarischer Lobbyismus 1918–1933*. Duesseldorf.
- Mommsen H. 1991. Heinrich Bruening as Chancellor. In: Mommsen H. *From Weimar to Auschwitz*. Cambridge.
- Moulton H. G., Pasvolsky L. 1932. *War Debts and World Prosperity*. New York.
- Muehlen N. 1938. *Der Zauberer: Leben und Anleihen des Dr Hjalmar Horace Greeley Schacht*. 2nd ed. Zurich.
- Neebe R. 1981. *Grossindustrie, Staat und NSDAP: 1930–1933*. Gottingen.
- Peter J., Stewart M. 1987. *Apocalypse 2000: Economic Breakdown and theSuicide of Democracy 1989–2000*. London.
- Petzina D. 2000. *Die Verantwortung des Staatesfuer die Wirtschaft*. Essen.
- Pohl K. H. 2004. Gustav Stresemann: New Literature. *German Historical Institute London: Bulletin*. 26 (1).

- Pullen W. G. 1987. *World War Debts and United States Foreign Policy 1919–1929*. New York.
- Pyta W. 1996. *Dorfgemeinschaft und Parteipolitik 1918–1933*. Duesseldorf.
- Reckendrees A. 2000. *Das 'Stahltrust-Projekt'*. Munich.
- Reichskreditgesellschaft. 1933. *Germany's Economic Situation at the Turn of 1932/1933*. Berlin.
- Ritschl A. 1991. Die NS-Wirtschaftsideologie — Modernisierungsprogramm oder reaktionäre Utopie? In: Prinz M., Zitelmann R. (eds) *Nationalsozialismus und Modernisierung*. Darmstadt.
- Ritschl A. 2002. *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934*. Berlin.
- Ferguson T., Temin P. 2003. Made in Germany: The German Currency Crisis of July 1931. *Research in Economic History*. 21.
- Sammons J. L. 1998. *Ideology, Mimesis, Fantasy*. Chapel Hill, NC.
- Schattschneider E. E. 1935. *Politics, Pressures and the Tariff*. New York.
- Schiemann J. 1980. *Die deutsche Waehrung in der Weltwirtschaftskrise 1929–1933*. Berne.
- Schoetz H. O. 1987. *Der Kampf um die Mark 1923/24*. Berlin.
- Schuker S. A. 1976. *The End of French Financial Predominance in Europe: The Financial Crisis of 1924 and the Adoption of the Dawes Plan*. Chapel Hill, NC.
- Schulz G. (ed.) 1980. *Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932*. Düsseldorf.
- Schulthess' Europaeischer Geschichtskalender*. 1932. Munich.
- Silverman D. P. 1998. *Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933–1936*. Cambridge.
- Sirois H. 2000. *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941*. Paderborn.
- Smith W. D. 1986. *The Ideological Origins of Nazi Imperialism*. Oxford.
- Spaulding R. M. 1997. *Osthandel und Ostpolitik: German Foreign Trade Policies in Eastern Europe from Bismarck to Adenauer*. Providence, RI.
- Stegmann D. 1977. Deutsche Zoll- und Handelspolitik 1924/5–1929. In: Momrasen H., Petzina D., Weisbrod D. (eds) *Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik*. Düsseldorf.
- Stolper T. 1967. *Ein Leben in Brennpunkten unserer Zeit*. Vienna.
- Teichert E. 1984. *Autarkie und Grossraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939*. Munich.
- The Economist*. 1931a. 26 September.

The Economist. 1931b. 3 October.

The Economist. 1931c. 12 December.

The Economist. 1932a. 17 September.

The Economist. 1932b. 24 December.

Tracy M. 1989. *Government and Agriculture in Western Europe 1880–1988*. Hemel Hempstead, UK.

Turner H. A. 1996. *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933*. New York.

Wala M. 2001. *Weimar und Amerika: Botschafter Friedrich von Prittwitz und Gaffron*. Stuttgart.

Weinberg G. (ed.) 1961. *Hitlers Zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928*. Stuttgart.

Wiegmann K. 1993. *Textilindustrie und Staat in Westfalen 1914–1933*. Stuttgart.

Winkler H. A. 1993. *Weimar 1918–1933*. Munich.

Wright J. 2002. *Gustav Stresemann*. Oxford.

NEW TRANSLATIONS

Adam Tooze

The Wages of Destruction

The Making and Breaking of the Nazi Economy (an excerpt)

TOOZE, Adam — Kathryn and Shelby Cullom Davis Professor of History, Department of History, Columbia University of the City of New York. Address: 1180 Amsterdam Avenue, MC 2527, New York, NY 10027, USA.

Email: adam.tooze@columbia.edu

but also limitations of its territory and natural resources. He foresaw a rise of a new globalized world where Europe would be pressed by the unbreakable power of America. There was a last chance: the European superstate led by Germany.

Abstract

The majority of accounts of the Second World War have described Nazi Germany as an uncontrollable monster with a highly industrialized economy. But what if it was not so? What if the European tragedy was not rooted in Germany's strength, but in its weakness?

Adam Tooze has written a radically new history of the Second World War. The author achieved this by taking into account racial relations and politics, with special attention focused on economy. Understanding of the global economy played a critical role in Hitler's views. He guessed that Germany's relative poverty in 1933 was conditioned by not only the Great Depression

However, the global balance of economic and military forces did not initially favor of Hitler. With the purpose of preventing the threat from the West, he sent his poorly armed troops to conquer Europe which led to the crash of his intentions. Even in the summer of 1940, a time of Germany's great triumphs, Hitler was worried about America's air and maritime domination, which he was convinced was the result of a Jewish conspiracy.

As soon as the Wehrmacht came into Soviet territory, the war turned into a battle of attrition without any hope of Germany's winning. Because Hitler and others did not accept this, the Third Reich was destroyed at the cost of millions of lives.

The *Journal of Economic Sociology* publishes the "Introduction" to this book.

Keywords: The Second World War; Germany; economic history; limited resources; world power; technological progress.

References

Abelshauer W. (1999) *Kriegswirtschaft und Wirtschaftswunder: Deutschlands wirtschaftliche Mobilisierung für den Zweiten Weltkrieg und die Folgen für die Nachkriegszeit*. *VfZ*, 47. Jahrgang. Heft 1.

Berg M. (1990) *Gustav Stresemann und die Vereinigten Staaten von Amerika: Weltwirtschaftliche Verflechtung und Revisionspolitik 1907–1929*, Baden-Baden.

Boelcke W. A. (1994) *Deutschland als Welthandelsmacht 1930–1945*, Stuttgart.

- Bombach G. et al. (eds) 1976–1984. *Der Keynesianismus*, Bände I–IV, Berlin; Heidelberg; New York.
- Borchardt K. (1982a) Zur Frage der waehrungspolitischen Optionen Deutschlands in der Weltwirtschaftskrise. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeumeder Wirtschaftspolitik* (ed. K. Borchardt), Goettingen.
- Borchardt K. (1982b) Zwangslage und Handlungsspielraeume in der grossen Weltwirtschaftskrise der fruehendreissiger Jahre. *Wachstum, Krisen, Handlungsspielraeume der Wirtschaftspolitik* (ed. K. Borchardt), Goettingen.
- Boyce R. W. D. (1987) *British Capitalism at the Crossroads 1919–1932*, Cambridge.
- Buchheim C. (2003) Die Erholung von der Weltwirtschaftskrise 1932/33 in Deutschland. *Jahrbuch fuer Wirtschaftsgeschichte*, no 1.
- Burke B. V. (1994) *Ambassador Frederic Sackett and the Collapse of the Weimar Republic, 1930–1933*. Cambridge.
- Case J. Y., Case E. N. (1982) *Owen D. Young and American Enterprise*, Boston.
- Clavin P. (1996) *The Failure of Economic Diplomacy: Britain, Germany, France and the United States, 1931–1936*, New York.
- Costigliola F. (1984) *Awkward Dominion: American Political, Economic and Cultural Relations with Europe, 1919–1933*, Ithaca, NY.
- Dengg S. (1986) *Deutschlands Austritt aus dem Voelkerbund und Schachts Neuer Plan*, Frankfurt.
- Der Deutsche Volkswirt* (1932a) 1.04.
- Der Deutsche Volkswirt* (1932b) 8.07.
- Der Deutsche Volkswirt* (1932c) 9.12.
- Der Deutsche Volkswirt* (1933) 6.01.
- Eckes A. E. (1995) *Opening America's Markets*, Chapel Hill, NC.
- Eichengreen B. (1992) *Golden Fetters: The Gold Standard and the Great Depression, 1919–1939*, Oxford.
- Feldman G. (1993) *The Great Disorder: Politics, Economics and Society in the German Inflation, 1914–1924*, Oxford.
- Feldman G. D. (1994) From Crisis to Work Creation: Government Policies and Economic Actors in the Great Depression. *Von der Arbeiterbewegung zum modernen Sozialstaat* (eds. J. Kocka, H.-J. Puhle, K. Tenfelde), Munich.
- Feldman G. D., Gall L., Feldman G. D., James H., Holtfrerich C.-L., Buschgen H. E. (1995) *The Deutsche Bank 1870–1995*, London.

- Ferguson T., Temin P. (2003) Made in Germany: The German Currency Crisis of July 1931. *Research in Economic History*, vol. 21.
- Frigge R. (1984) *Das erwartbare Abenteuer: Massenrezeption und literarisches Interesse am Beispiel der Reiserzählungen von Karl May*, Bonn.
- Gassert P. (1997) *Amerika im Dritten Reich*, Stuttgart.
- Geyer M. (1975) Das Zweite Rüstungsprogramm 1930–1934. *MGM*, 17.
- Geyer M. (1976) Militäer, Rüstung und Außenpolitik: Aspekte militärischer Revisionspolitik in der Zwischenkriegszeit. *Hitler, Deutschland und die Mächte* (ed. M. Funke), Düsseldorf.
- Geyer M. (1980) *Aufrüstung oder Sicherheit: Die Reichswehr in der Krise der Machtpolitik 1924–1936*, Wiesbaden.
- Geyer M. (1983) Etudes in Political History: Reichswehr, NSDAP, and the Seizure of Power. *The Nazi Machtergreifung* (ed. P. D. Stachura), London.
- Geyer M. (1992) The Stigma of Violence, Nationalism, and War in Twentieth-Century Germany. *German Studies Review*, vol. 15, no 4, Winter.
- Gillmann S., Mommsen H. (eds) (2003) *Politische Schriften und Briefe Carl Friedrich Goerdelers*, Munich.
- Glasemann H.-G. (1993) *Deutschlands Auslandsanleihen 1924–1945*, Wiesbaden.
- Hansen E. W. (1978) *Reichswehr und Industrie*, Boppard.
- Hardach G. (1976) *Weltmarktorientierung und relative Stagnation*, Berlin.
- Harris C. R. S. (1935) *Germany's Foreign Indebtedness*, Oxford.
- Heyde P. (1998) *Das Ende der Reparationen: Deutschland, Frankreich und der Youngplan 1929–1932*, Paderborn.
- Houwink ten Cate J. (1987) Hjalmar Schacht als Reparationspolitiker. 1926–1930. *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, no 74.
- IMT. (1946–1947) *Nazi Conspiracy and Aggression*, Washington.
- James H. (1985) *The Reichsbank and Public Finance in Germany 1924–1933*, Frankfurt.
- James H. (1989) *A German Identity 1770–1990*, London.
- James H. (1993) Hjalmar Schacht. *Die Braune Elite* (eds. R. Smelser, E. Syring, R. Zitelmann), Darmstadt.
- James H. (2001) *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression*, Cambridge, MA.
- Jaraus K. H., Geyer M. (2003) *Shattered Past: Reconstructing German Histories*, Princeton.

- Jasper G. (1986) *Die Gescheiterte Zaehmung: Wege zur Machtergreifung Hitlers, 1930–1934*, Frankfurt.
- Jones L. E. (1988) *German Liberalism and the Dissolution of the Weimar Party System, 1918–1933*, Chapel Hill, NC.
- Kershaw I. (ed.) (1990) *Weimar: Why Did German Democracy Fail?* London.
- Kershaw I. (1998) *Hitler, 1889–1936: Hubris*, London.
- Kindleberger C. P. (1986) *The World in Depression, 1929–1939*, Berkeley.
- Kroll F.-L. (1998) *Utopieals Ideologie: Geschichtsdenken und politisches Handeln im Dritten Reich*, Paderborn.
- Kruedener J. von (ed.) (1990) *Economic Crisis and Political Collapse: The Weimar Republic 1924–1933*, Oxford.
- Krueger P. (1985) *Die Aussenpolitik der Republik von Weimar*, Darmstadt.
- Link W. (1970) *Die amerikanische Stabilisierungspolitik in Deutschland 1921–1932*, Duesseldorf.
- Linkemeyer B. (1987) *Was hat Hitler mit Karl May zutun?* Abstadt.
- Luedtke A., Marssolek I., von Saldern A. (eds) (1996) *Amerikanisierung: Traum und Alptraum im Deutschland des 20. Jahrhunderts*, Stuttgart.
- Mann K. (1940) Cowboy Mentor of the Fuehrer. *Living Age*, no 359.
- McNeil W. C. (1986) *American Money and the Weimar Republic*, New York.
- Meister R. (1991) *Die Grosse Depression: Zwangslagen und Handlungsspielraeume der Wirtschafts- und Finanzpolitik in Deutschland 1929–1932*, Regensburg.
- Merkenich S. (1998) *Gruene Front gegen Weimar: Reichs-Landbund und agrarischer Lobbyismus 1918–1933*, Duesseldorf.
- Mommsen H. (1991) Heinrich Bruening as Chancellor. *From Weimar to Auschwitz*, Cambridge.
- Moulton H. G., Pasvolsky L. (1932) *War Debts and World Prosperity*, New York.
- Muehlen N. (1938) *Der Zauberer: Leben und Anleihen des Dr Hjalmar Horace Greeley Schacht*. 2nd ed., Zurich.
- Neebe R. (1981) *Grossindustrie, Staat und NSDAP 1930–1933*, Gottingen.
- Niedhart G. (1999) *Die Aussenpolitik der Weimarer Republik*, Munich.
- Peter J., Stewart M. (1987) *Apocalypse 2000: Economic Breakdown and the Suicide of Democracy 1989–2000*, London.

- Petzina D. (2000) *Die Verantwortung des Staates fuer die Wirtschaft*, Essen.
- Pohl K. H. (2004) 'Gustav Stresemann: New Literature'. *German Historical Institute London: Bulletin*, vol. 26, no 1.
- Pullen W. G. (1987) *World War Debts and United States Foreign Policy 1919–1929*, New York.
- Pyta W. (1996) *Dorfgemeinschaft und Parteipolitik 1918–1933*, Düsseldorf.
- Reckendrees A. (2000) *Das 'Stahltrust-Projekt'*, Munich.
- Reichskreditgesellschaft. (1933) *Germany's Economic Situation at the Turn of 1932/1933*, Berlin.
- Ritschl A. (1991) Die NS-Wirtschaftsideologie — Modernisierungsprogramm oder reaktionäre Utopie? *Nationalsozialismus und Modernisierung* (eds. M. Prinz, R. Zitelmans), Darmstadt.
- Ritschl A. (2002) *Deutschlands Krise und Konjunktur 1924–1934*, Berlin.
- Sammons J. L. (1998) *Ideology, Mimesis, Fantasy*, Chapel Hill, NC.
- Schattschneider E. E. (1935) *Politics, Pressures and the Tariff*, New York.
- Schiemann J. (1980) *Die deutsche Waehrung in der Weltwirtschaftskrise 1929–1933*, Berne.
- Schoetz H. O. (1987) *Der Kampf um die Mark 1923/1924*, Berlin.
- Schuker S. A. (1976) *The End of French Financial Predominance in Europe: The Financial Crisis of 1924 and the Adoption of the Dawes Plan*, Chapel Hill, NC.
- Schulthess' Europaeischer Geschichtskalender* (1932), Munich.
- Schulz G. (ed.) (1980) *Politik und Wirtschaft in der Krise 1930–1932*, Düsseldorf.
- Silverman D. P. (1998) *Hitler's Economy: Nazi Work Creation Programs, 1933–1936*, Cambridge.
- Sirois H. (2000) *Zwischen Illusion und Krieg: Deutschland und die USA 1933–1941*, Paderborn.
- Smith W. D. (1986) *The Ideological Origins of Nazi Imperialism*, Oxford.
- Spaulding R. M. (1997) *Osthandel und Ostpolitik: German Foreign Trade Policies in Eastern Europe from Bismarck to Adenauer*, Providence, RI.
- Stegmann D. (1977) Deutsche Zoll- und Handelspolitik 1924/5–1929. *Industrielles System und politische Entwicklung in der Weimarer Republik* (eds. H. Momrasen, D. Petzina, D. Weisbrod), Düsseldorf.
- Stolper T. (1967) *Ein Leben in Brennpunkten unserer Zeit*, Vienna.
- Teichert E. (1984) *Autarkie und Grossraumwirtschaft in Deutschland 1930–1939*, Munich.

The Economist (1931a) 26 September.

The Economist (1931b) 3 October.

The Economist (1931c) 12 December.

The Economist (1932a) 17 September.

The Economist (1932b) 24 December.

Tracy M. (1989) *Government and Agriculture in Western Europe 1880–1988*, Hemel Hempstead.

Turner H. A. (1996) *Hitler's Thirty Days to Power: January 1933*, New York.

Wala M. (2001) *Weimar und Amerika: Botschafter Friedrich von Prittwitz und Gaffron*, Stuttgart.

Weinberg G. (ed.) (1961) *Hitlers Zweites Buch: Ein Dokument aus dem Jahr 1928*, Stuttgart.

Wiegmann K. (1993) *Textilindustrie und Staat in Westfalen 1914–1933*, Stuttgart.

Winkler H. A. (1993) *Weimar 1918–1933*, Munich.

Wright J. (2002) *Gustav Stresemann*, Oxford.

Received: January 8, 2018

Citation: Tooze A. (2018) Tsena razrusheniya. Sozdanie i gibel' natsistskoy ekonomiki [The Wages of Destruction. The Making and Breaking of the Nazi Economy (an excerpt)], *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology*, vol. 19, no 2, pp. 50–85. doi: [10.17323/1726-3247-2018-2-50-85](https://doi.org/10.17323/1726-3247-2018-2-50-85)